

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИШИМСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМ. П.П. ЕРШОВА
(ФИЛИАЛ)

ТЮМЕНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Кафедра русской и зарубежной филологии, культурологии
и методики их преподавания

ДОПУЩЕНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК
И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ

И.о. заведующего кафедрой
канд. филол. наук, доцент

 З.Я. Селицкая

11 2016 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Э. СЕПИР О ВЛИЯНИИ ЯЗЫКОВ ДРУГ НА ДРУГА

44.04.01 Педагогическое образование

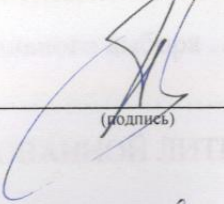
Магистерская программа «Лингвокультурологическое образование»

Выполнил работу
Студент 3 курса
заочной формы обучения

(подпись)

Жукова
Анна
Олеговна

Научный руководитель
д-р филос. наук,
профессор

(подпись)

Полищук
Виктор
Иванович

Рецензент
Заведующий филиалом
Гагаринской СОШ
Клепиковская ООШ

(подпись)

Ключникова
Наталья
Сергеевна

Ишим, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. СНОВНЫЕ АСПЕКТЫ КУЛЬТУРЫ ЯЗЫКА, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ Э. СЕПИРА	
1.1. Эдвард Сепир –американский лингвист.....	7
1.2. Э. Сепир о языке.....	11
1.3. Связь между языком и мышлением.....	14
1.4 Мышление и язык в работах Э. Сепира.....	17
1.5 Принцип языковой относительности Э. Сепира	19
1.6 Типология языков, предложенная Сепиром.....	26
1.7 Влияние языков друг на друга.....	31
ГЛАВА 2. ГИПОТЕЗА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ СЕПИРА - УОРФА	
2.1.Эпистемологические основания концепции лингвистической относительности.....	39
2.2. Конвенциональность грамматики.....	46
2.3. Конвенциональность лексики.....	51
ГЛАВА 3. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА, ПО МНЕНИЮ Э. СЕПИРА	
3.1. Диалект.....	59
3.2. Язык	63
3.3 Вопрос индивидуального выбора	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	79
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	80

Введение

“Все языки без исключения и все национальные культуры представляют огромную ценность не только для своего народа, но и для мировой цивилизации. У языков (как и у стран, народов, наций) судьба складывалась и продолжает складываться по – своему. Они имеют не только разную историю, но и разную степень влияния и распространения в мире, а следовательно, и разный статус. Языки развиваются вместе с экономикой, культурой, государственными структурами, вместе с совершенствованием науки и техники. У каждой из стран уровень такого развития свой, что отражается и в их языке”.

Рой Медведев

Актуальность исследования. Человеческая речь представляет собой обычное явление в повседневной жизни человека. С одной стороны, человеку столь же свойственно говорить, как и ходить, и лишь немногим менее, чем дышать. Процесс овладения речью - это нечто вполне отличное от процесса обучения ходьбе. В отношении последней функции культура, которая передается из поколения в поколение как совокупность социальных навыков. Это не играет существенной роли. Способность регулировать мускульную и нервную активность, которая необходима для ходьбы, обеспечена каждому ребёнку комплексом фактов, именуемых биологической наследственностью. Нормальное человеческое существо предназначено к тому, чтобы ходить, и не потому, что старшие будут учить ребёнка, а потому, что его организм с самого зачатия готовится к способности ходить. Иначе говоря, ходьба – это врождённая, биологическая функция человека.

Ситуация с языком совершенно иная. Справедливо, конечно, что человек предназначен к тому, чтобы говорить, но всецело это связано с тем, что он рождается не только в природе, но и в зоне общества, которое не может не приобщить его к своим традициям. Без общества ребенок научиться ходить, но не говорить. Он не сможет выражать свои мысли. Если удалить новорожденного из социального окружения, в котором он появился на свет, и

перенести его в совершенно иную, то речь его будет существенно отличаться от речи его родной среды. Таким образом, способность ходить есть у каждого человека. Речь представляет собой человеческую деятельность, различия в которой не ограничены никакими рамками. Из это следует, что речь – это непосредственно историческое наследие коллектива, продукт длительного социального употребления. Как и всякая творческая деятельность, речь разнообразна, но не так как религии, верования, обычаи, искусства различных народов.

Языки не часто бывают самодостаточными. Когда существует потребность в общении, человек вступает в непосредственный контакт. Общение бывает враждебным или дружеским. Оно состоит в заимствовании или взаимном усвоении духовных ценностей (искусство, наука, религия) или же развиваться в плане ординарных деловых и торговых отношений. Трудно найти полностью изолированный язык или диалект, – и менее всего среди первобытных народов.

Каков бы ни был характер или уровень взаимодействия между соседними народами, он в итоге достаточен для установления некой степени языкового взаимодействия? Очень часто влияние развивается в одном направлении. Язык одной страны оказывает влияние на языки соседней стран. В китайском языке на протяжении многих веков наполнялся лексикон корейским, японским и вьетнамским языками, но взамен ничего не получал.

В Европе во французском языке схожая ситуация. В английском языке много слов, взятых из французского (например, – *ess*, в слове *princess* – принцесса, – *ard*, в слове *drunkard* – пьяница, – *ty* в слове *royalty* – королевский сан) получил от контакта с французским языком как некий лишний стимул в своей общей тенденции к развитию аналитизма и претерпел незначительные изменения в своей фонетической системе (например, начальные буквы *V J* в словах *veal* – телятина, *judge* – судья, в словах англосаксонского происхождения эти буквы могут встречаться только

после гласных, например, over – сверх, project – проект, план). Со своей стороны английский язык не оказал заметного влияния на французский язык.

Цель работы: рассмотрение влияния языков друг на друга, которое представлено в работах американского лингвиста и этнолога Эдварда Сепира.

Задачи исследования:

- изучение термина «язык», рассмотрение определения по Э. Сепира и других лингвистов и языковедов;
- рассмотрение влияние языков на примере работ Сепира;
- анализ связи языков и мышления;
- выделение принципов языковой относительности
- рассмотрение типологии языков, которую предложил Сепир
- рассмотрение трудов других лингвистов, которые рассматривали проблему влияния разных языков

Объект исследования – творчество Э. Сепира

Предмет исследования – особенности влияния языков между собой, на основе работ Э. Сепира.

Проблема данного исследования заключается в следующем: как влияют языки на язык соседних стран и язык завоёвываемых стран, а также их диалекты?

Теоретической базой исследования послужили:

1. Научная новизна диссертации: систематизируется и выделяется самое главное во влиянии языков на другие языки.
2. Теоретическая значимость исследования: вносит вклад в изучение влияния одного языка на другие.

Практическая значимость исследования: результаты, которые были получены в ходе исследования, используются в спецкурсах по языкознанию, в практике преподавания истории формирования того или иного языка, лекцией в университете на факультете лингвистики.

Апробация результатов исследования осуществлялись на всех этапах научно-исследовательской деятельности. Основные выводы проведенного исследования отражаются в публикациях по теме диссертации: электронный журнал “SCI-ARTICLE”

Структура диссертации. Цели и задачи исследования определили структуру диссертации, которая состоит из введения, двух глав, содержащих 13 параграфов, выводов по каждой главе, заключения и списка литературы, включающего 50 наименований. Общий объем диссертации составляет 83 страницу напечатанного текста.

Глава 1. Основные аспекты культуры языка, с точки зрения Э.

Сепира

1.1 Эдвард Сепир – американский лингвист

Имя Сепира знает любой современный филологу. Он вошёл в десятку людей, известных в мировой лингвистике 20 в. Самая известная книга в русском языке у Э. Сепира - книга «Язык», выпущенная в 1934, но её нельзя найти в библиотеках лингвистических университетов. Данная книга является большой редкостью. Выдержки из двух статей (статья «Язык» из «Энциклопедии социальных наук» и «Положение лингвистики как науки») приведены в «Истории языкознания 19 – 20-х веков в очерках и извлечениях» часть 2, составленная в 1965 В. А. Звегинцевым; в 1985 г. была опубликована статья «Градуирование».

Все данные работы являются центром сепировского научного исследования, но они никаким образом не исчерпывают его.

Эдвард Сепир родился 26 января 1884 году в городе Лауэнбурге (Померания) в Германии. Яков Сепир – его отец, который эмигрировал в Америку в 1889 году. Он исполнял обязанности раввина и кантора в нью-йоркских синагогах. Религиозное воспитание с большим количеством запретов ему было ненужным и невыполнимым, вызывали у него противодействие. Ему очень нравились научные знания, литература и музыка. Одержал победу в конкурсе, получил пулитцеровскую стипендию для прохождения начального 4-х летнего курса обучения в Колумбийском университете. Закончил он его в 20 лет в 1904 году, получил степень бакалавра.

Непосредственное влияние оказало знакомство с лингвистом и антропологом Францем Боасом. Боас произвел на него впечатление человека, который знает все тайны языка. Боас для Сепира был безусловным авторитетом в студенческие и последующие годы. У него сформировалось представление о том, что лингвистические занятия основываются на конкретном знании разнообразных живых языков.

Будучи студентом Колумбийского университета, 1905 – 1906 годы, он проводит полевые исследования по языку и обычаям одного из диалектов языка чинук-вишрам (штат Вашингтон), язык такелма (штат Орегон). После первых самостоятельных опытов Боас был убежден, что Сепир талантливый и серьезный исследователь, он способен необычно проводить научный анализ и понимать весьма непосредственные способы языкового выражения.

В 1907 – 1908 годы Сепир временно устроился на работу в Колумбийский университет. Там он провел полевую лингвистическую работу среди индейцев яна. В 1909 – 1910 годах он отправился в Пенсильванский университет. Сначала он был в качестве стипендиата, а потом его повысили на должность инструктора. Там смог работать с информантом по языку пайуте и совершать поездки в поле к индейцам юте. Эти годы были появлением научного мировоззрения и метода, финансовых трудностей, больших затрат сил и больших надежд.

Вместе со своими занятиями индейскими языками Сепир в 1909 году пишет и защищает в Колумбийском университете докторскую диссертацию, которая посвящена языку такелма.

Боас в 1910 году порекомендовал Сепира на место заведующего отделением антропологии в Геологической инспекции Национального музея в Оттаве и переезжает в Канаду.

В 26 лет Сепир получает постоянное место жительства и постоянную работу. После приезда в Оттаву он женится, появляются дети – двое сыновей и дочь.

Вдали от друзей и учителей, после активной университетской жизни, различных личностных контактов проживание в Оттаве становится похожим на почетную ссылку. Интеллектуальная изоляция в кругу музейных работников, многочисленные административные заботы – формировать коллектив, создавать долгосрочную программу работы отделения, добиваться финансовой поддержки – всё это немалая плата за научную независимость. Молодой Сепир энергичен и активен. Он совершал долгие

полевые выезды на остров Ванкувер к индейцам нутка, чтобы собрать материалы по языкам сарси, тлингит, кутчин и ингалик. Он был одним из непосредственных мастеров полевой работы. У него насчитывается 14 экспедиций, 17 индейских языков, которые принадлежат разным языковым семьям, а также западноафриканский язык джабо. Любовь к полевой работе он пронес через всю жизнь: он планирует свой профессорский отпуск для экспедиции в Китай, но этому воспрепятствовало резким ухудшением его здоровья.

Особое место в биографии Сепира занимает канадский период. Это время глубоких теоретических раздумий и активной эмпирической исследовательской работы, формирования своего метода и теории. Книга «Язык» была написана в 1921 году. Она относится к этому периоду.

Вернуться в Соединенные Штаты Америки были еще в 1914 году. По мнению Баоса это было серьезной ошибкой. К середине 20-х годов резко усилилось желание изменить свою жизнь. Перспективы развития антропологических исследований в Канаде после мировой войны неблагоприятны. Наступает кризис и в семейной жизни. Тяжело болеет жена Флоренс Делсон. Она умерла в 1924 году. В 1925 году Сепира приглашают на место ассоциированного профессора социологии и антропологии в Чикагском университете. В Чикаго он становится отличным учителем и лектором.

Один из студентов Д. Мандельбаум писал об учительском призвании Сепира: «Студенты Сепира испытывали подчас такой благоговейный трепет от безмерности его знаний и пронизательности его интеллекта, что они буквально цепенели в его присутствии. Но как только застенчивость у них уходила, они обнаружили в нем наставника, исполненного самого искреннего сочувствия, и добрейшего из людей. Если кто-либо из нас был способен в его присутствии предложить необычную идею или свежее и значимое свидетельство необходимости пересмотра какого-либо традиционного понятия, он всегда был готов, более того, полон страстного желания

обсудить эту идею и развить её далее... многие из постулатов, которые он так наглядно формулировал в своей лекциях, он никогда не публиковал. Его пронзительный ум подобно искусному скальпелю мог проникать сквозь запутанные хитросплетения внешней формы культуры и подбирать ключи к сути человеческого поведения. Он мог объяснить ход своей мысли так ясно. Таким блистательным слогом, что мы сами чувствовали себя вместе с ним героями в мире идей».

В 1927 году Сепир становится полным профессором антропологии и общей лингвистики. Он находится в расцвете своих сил, и судьба благоволит ему. В 1926 году женится во второй раз. Супругой его стала Джейн Мак-Клейнаген, которая останется надежной и верной спутницей до конца его дней. Она родила ему двоих сыновей. В 1927 году Сепир получает выгодное предложение от Йельского университета, куда он переводится со своими учениками и аспирантами.

Сепир продолжает продуктивно работать, постоянно расширяет круг своих интересов. Он получает всеобщее признание; он член многих научных обществ, Президент Лингвистического общества Америки в 1931 году, Президент Антропологического общества Америки в 1938 году, его избирают в Американскую Академию. Но нельзя сказать, что американская лингвистика в полной мере усвоила уроки Сепира и пошла по предложенному им пути. В 30 – 50-х годах в американской лингвистике господствующим направлением была дескриптивная лингвистика. В это время появилась книга Л. Блумфилда «Язык» в 1934 году, несомненно отодвинуло в тень одноименную книгу Сепира. Сепир ещё не исчерпал свой научный потенциал, но болезнь сердца подточила его здоровье и силы. У Сепира было несколько сердечных приступов. Он умер в возрасте 55 лет 4 февраля 1939 года. В 1967 году Джейн Мак-Кленаген написала: «Эдвард Сепир умирал с ощущением, что ему удалось достичь важного рубежа. В последние годы он стал, конечно, менее энергичным – задолго до того, как стало ясно, что первопричиной была его болезнь. Во всяком случае, он

отказался даже от надежды преодолеть этот рубеж до того, как осознал факт, что он болен. Ему доставляла удовольствие работа с языками, что он был способен сохранять, таким образом, состояние “занятости”, но он глубоко ощущал, что он умирает, не высказав до конца всего того, что он должен сказать». Возможно, эти слова отражают печальную биографическую реальность. Но гений Сепира состоит как раз в том, что ему удалось о многом сказать так и такое, что сказать человеку, владея доступными ему средствами, казалось бы, абсолютно невозможно.

1.2 Э. Сепир о языке

В двадцатые – тридцатые года произошло формирование лингвистики в Америке. Это никак не ограничивалось дескриптивизмом. Важным направлением является нарекаемая этнолингвистика. Представителем её был Эдвард Сепир (1884 – 1939).

Эдвард Сепир был научным работником широкого профиля и никак не ограничивался в собственной деятельности лишь проблематикой внутренней лингвистики. Наверное, это позволило ему избежать искуса профессионального изоляционизма, хранило в нём дееспособность и подготовленность к интегральному взгляду на языковую природу. Существует взаимосвязь со всеми проявлениями человеческого духа. Явный, свободный от предрассудков взор Сепира на язык, безусловно, приводил его к размышлениям, сближавшим его понимание с образами, находившимися на стыке соседних человеческих наук:

- этнологии,
- психологии,
- социологии,
- психиатрии,
- фольклористики,
- доктрине религии.

Ученый успешно выделялся не только среди американских лингвистов, но вообще среди языковедов его эпохи.

Сборник сочинений Сапира «Избранные труды по языкознанию и культурологии» избранный в 1993 г. В Москве дает представление о нем, как об ученом. В сборник входит и его книга "Язык", в 1934 г. К этому времени она была издана в русском переводе.

В ней рассматривается множество вопросов: внутренняя и внешняя, синхронная и диахронная лингвистика. Она известна тем, что в ней рассматривается типологическая проблематика. Впервые после краха стадиальных теорий и временного прекращения интереса к типологии была вновь поставлена проблема системного сопоставления языков независимо от их генетических связей. Э. Сепир писал: "Мы можем сказать, что языки друг от друга отличаются, но некоторые отличаются значительно более, чем другие, а это равносильно утверждению что возможно разгруппировать их по морфологическим типам".

Однако традиционная морфологическая классификация языков не могла его удовлетворить по многим причинам:

- количество привлекаемых языков было ограниченным,
- все языки старались классифицировать лишь с одной точки зрения, пытаясь всё свести к "единой простой формуле", как взаимоисключающие явления рассматривались флексия, агглютинация и т. д., хотя эти признаки могут сосуществовать в конкретных языках.

Устарели стадиальные идеи. По мнению Э. Сепира традиционные понятия вроде флексии или агглютинации не следует отбрасывать, поскольку они отражают существенные стороны языковой структуры.

Э. Сепир создает многомерную классификацию.

3 признака классификации языков:

1) степень сложности слова:

- а) аналитические;
- б) синтетические;
- в) максимально сложные полисинтетические (инкорпорирующие);

2) степень спаянности элементов внутри языка:

- а) изолирующие языки;
- б) агглютинативные;
- в) фузионные (флективные);
- г) символические (грамматическое значение выражается путём внутренних изменений в корне).

Наиболее оригинален и важен третий признак:

3) типы языковых значений:

- а) основные (конкретные), выражаются отдельными словами или корнями;
- б) менее конкретные деривационные, обычно выражаемые словообразовательными суффиксами;
- в) ещё более абстрактные, но с некоторой долей конкретности конкретно-реляционные;
- г) имеющие лишь синтаксическое значение чисто-реляционные.

Два последних типа значений могут выражаться аффиксами, внутренними изменениями корня, а чисто-реляционные - и позицией (порядком слов). Два полярных типа есть, согласно Э. Сепиру, во всех языках, два средних - не во всех; в зависимости от возможности существования обоих классов или только одного из них выделяются четыре типа языков. Последняя классификация признаётся наиболее важной, поскольку она затрагивает не "внешнюю языковую технику", как две первые, а передачу значений в языке.

Э. Сепир отмечал, что имеются разные назначения, но один и тот же признак. Также он считал, язык относится к определенному классу, критерию. Критерий такой принадлежности для него являлась непосредственность для языка того или иного признака (изоляции, агглютинации и др.).

В книге "Язык" речь идет о синхронной и диахронной типологии. Когда Э. Сепир отказался от стадий, он осознавал существование закономерностей в развитии строя языков. В связи с этим появилось понятие

дрейфа (drift) языка. Развитие языка не случайно: "Дрейф языка осуществляется через не контролируемый говорящими отбор тех индивидуальных отклонений, которые соответствуют какому-то предопределённому направлению... Изменения, которые должны произойти в языке в ближайшие столетия, в некотором смысле уже предвосхищаются в иных неясных тенденциях настоящего и ... при окончательном осуществлении их они окажутся лишь продолжением тех изменений, которые уже совершились ранее".

Э. Сепир анализирует множество непосредственных примеров из английского языка, которые он представил как непосредственное проявление дрейфа к неизменяемости непосредственного слова. До него также высказывался И.А. Бодуэн де Куртенэ, который, непосредственно отрицал эту непосредственную типологию.

Идеи Сепира связаны с закономерностями перехода непосредственно от одного значения к другому: непосредственно для английского языка от синтетизма к аналитизму. Э. Сепир разработал дрейф лишь для одного языка, больше никаких закономерностей он не выявлял. Объектом непосредственного систематического исследования непосредственные диахронные типологические закономерности стали лишь непосредственно с 70-х гг. XX века в американской, а затем непосредственно и в отечественной науке.

1.3 Связь между языком и мышлением

Удивительными возможностями обладает человеческий язык. При этом создается необходимое количество слов.

Очень много существует теорий происхождения языка: от "божественного" непосредственного наделения человека языком и звукоподражания до непосредственных мутационных процессов. Наиболее вероятная интересная теория происхождения языка заключается в связи

непосредственного языка, как «трудовых выкриков», с началом непосредственной трудовой деятельности человека.

По мнению самого известного лингвиста Ф. Соссюра, мышление в его непосредственном психологическом отношении - это бесформенная и совсем не разграниченная масса.

По словам знаменитого Ф. Соссюра, роль языка по отношению к мысли совсем не заключается в непосредственном создании материального звукового средства для выражения важных идей. Язык, скорее, служит непосредственным посредником между мышлением. "Язык можно также сравнить с листом бумаги: мысль - это его лицевая сторона, а звук - соответственно, обратная; нельзя непосредственно разрезать лицевую сторону, не разрезав и обратную; так и в языке нельзя непосредственно отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли..."[Соссюр Ф., 1999, с. 110].

Однако советский психолог Л.С. Выготский в своей интересной работе "Мышление и речь " указывает на то, что нельзя непосредственно отождествлять слово и мысль. "...Если слово и мысль совпадают, если это одно и то же, никакое непосредственное отношение между ними не может возникнуть и не может непосредственно служить предметом исследования, также как невозможно представить себе, что непосредственным предметом исследования может явиться непосредственное отношение вещи к самой себе"[Выготский Л.С., 1999, с. 9]. Да и рассматривать нужно не мысль и слово, а значение слова, так как звук без значения, пустой непосредственный звук. Однако "...оно (значение слова) есть феномен словесной мысли или осмысленного слова, оно есть единство слова и мысли" [Выготский Л.С., 1999, с. 277].

Существуют различные гипотезы о соотношении мышления и языка. Согласно первой гипотезе язык есть мышление. Говорение (речевая деятельность) приравнивается к озвученному мышлению, невыраженное мышление — к внутреннему говорению. А. Шлейхер заявлял: «Язык есть мышление в звуке, как и наоборот, мышление непосредственно есть

беззвучная речь». Отвергая такое мнение, критики утверждают, что возможно говорение без мышления, ровно как и часто для уже готовых мыслей подыскивают слова.

Вторая гипотеза гласит, что язык есть мышление, но мышление не есть язык. Согласно данной гипотезе говорение и мышление не одно и то же, а разные стороны одного процесса. Язык и интеллект развиваются в тесной связи, но ни один из них не является результатом другого.

Третья гипотеза зеркально отражает вторую: язык не есть мышление, но мышление есть язык. Мышление как процесс протекает в формах собственного языка. Психологи называют этот процесс внутренней речью, имеющей предикативную структуру, которая преобразуется во внешнюю речь.

Четвертая гипотеза вовсе различает понятия языка и мышления: язык — это не мышление, и мышление — это не язык. Сначала человек думает, затем говорит. Даже если он говорит про себя, он сначала обдумывает.

Все четыре гипотезы небезосновательны и имеют право на существование. Однако в любом случае невозможно отрицать наличие тесной связи между процессами мышления и функционированием языка. Мысль воплощается в слове осознанно. Осмысление, осознание, ощущение своей речи человеком как процесса языкового мышления развивается, затрагивая непосредственно сам язык. Тесная связь между языком и мышлением может быть обоснована и тем, что структурное и понятийное значения тесно связаны между собой. Значение может быть раскрыто при помощи контекста ситуации, которая включает в себя не только саму обстановку речи и собеседников, но и окружающие предметы, социальный и культурный опыт говорящих.

1.4 Мышление и язык в работах Э. Сепира

Лингвистическая концепция Эдварда Сепира (1884-1939), бесспорно, прошла через призму гумбольдтовского учения о языке, а между тем ее автор в своих работах нарочито избегал упоминаний о В. Гумбольдте.

В статье 1924 года «Грамматист и его язык» читаем: «...язык есть всего-навсего инструмент, нечто вроде рычага, необходимого для адекватной передачи наших мыслей. А наш деловой инстинкт говорит нам, что размножение рычагов, занятых выполнением одной и той же работы, – весьма неэкономичное занятие. Ведь любой способ «выбалтывания» мыслей ничуть не лучше и не хуже, чем прочие» [Сепир Э., 2001, с. 249]. Гумбольдт же считал язык исходным пунктом для мысли.

Любой язык направляет мышление его носителей по тому руслу, которое предопределяется мировидением, заключенным в языке. Гумбольдт писал в своих работах о видении, восприятии предметов в зависимости от отношения к предмету, обусловленному языком. Подобный шаг был сделан Э.Сепиром в статье «Статус лингвистики как науки»: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом непосредственно благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [с. 261].

В отличие от Гумбольдта, Сепир, видя язык не как набор формальных средств, автономных от мыслительного процесса, рассматривал его (язык) как две грани одного и того же психического процесса, а не как совмещение в слове звука и понятия, различных по своей природе.

«Поток речи не только следует за внутренним содержанием сознания, но он параллелен ему в самых различных условиях, начиная с таких мыслительных состояний, которые вызваны вполне конкретными образами, и кончая такими состояниями, при которых в фокусе внимания находятся исключительно абстрактные значения и непосредственные отношения между ними и которые обычно называются рассуждениями... Язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее

обобщенном уровне символического выражения... Язык не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль...» [с. 36], «Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены, они в некотором смысле составляют одно и то же» [с. 193].

Сепир, принимая во внимание работы Гумбольдта, рассматривал влияние языка как и на мышление человека, так и на образование культуры и видение мира в целом для одной группы людей, народа, национальности. Сепир интересовался способами, которыми человеческое мышление и поведение формируются языком и культурой.

Каждый язык, с сепировской точки зрения, структурирует мир особым образом для говорящих на нем. «Так, выучить незнакомый язык - значит вступить в новую сферу мысли. Человеческие существа живут не только в объективном мире, а также не только в мире социальной активности, как он обычно понимается, но в значительной степени находятся во власти особого языка, который становится средством выражения для их общества... Дело заключается в том, что "реальный" мир в значительной степени создается на языке группы. Не существует двух языков достаточно похожих, которые можно рассматривать как представляющих одну и ту же социальную реальность. Миры, в которых живут непосредственные различные общества являются отдельными мирами, не просто один и тот же самый мир с прикрепленными к нему различными ярлыками". Язык, как и культура общества в более широком смысле, формирует его восприятие мира.

В тоже самое время Сепир всегда настаивал на важности отдельной личности и был не удовлетворен культурологическими подходами, в которых индивид рассматривался как пассивный носитель культуры. "Культуры являются просто абстрактными конфигурациями паттернов, идей и действия, которые имеют бесконечно различные значения для разных индивидов в группе". Для Сепира "истинный локус культуры находится в интеракциях отдельных индивидов, с субъективной стороны, - в мире значений, которые

каждый из этих индивидов может неосознанно абстрагировать от участия в этих интеракциях”. Сепир предвосхищает важное заключение, что различные индивиды (или группы) психологически по-разному используют общую культуру, и поднял вопрос о психологическом приспособлении индивида к собственной культуре, а также вопрос о взаимосвязи культуры с душевным здоровьем.

1.5 Принцип языковой относительности Э. Сепира

Символическое познание, представляющееся Кассиреру главной ареной действительности языка, обнаруживает прямую параллель с взглядами автора более позднего и лучше известного варианта лингвистического релятивизма — Э. Сепира (1884-1939). Сепир, как известно, находился под непосредственным влиянием немецкой философии языка, написав в частности в 1905 г. кандидатскую диссертацию, посвященную анализу сочинения Гердера о происхождении языка [Sapir 1907]. Его можно в этом смысле считать связующим звеном между американской и немецкой лингвистикой 20 века, наряду с Ф. Боасом, обучавшимся в Берлинском университете в начале 1880-х гг. и там познакомившимся с трудами Х. Штайнталя [Koerner 1984, 350-351].

Мысль о различии языков выражена у Сепира в одной из первых работ — «История и вариативность человеческой речи» (1912), где он утверждает: «Даже более, чем своими фонетическими системами, языки, как оказывается, различаются своими морфологическими или грамматическими структурами... В отношении действительного содержания различных морфологий]vo>i обнаруживаем, как указывалось, огромные различия, и все же здесь опять-таки важно отметить, с какой настойчивостью определенные логические категории отражаются в грамматических системах практически всех языков» [Sapir 1912a, 579]. В качестве примеров Сепир приводит различия между субъектом и предикатом, существительным и глаголом, относя их к универсалиям [Sapir 1912a, 580]. Именно морфология языка

«свидетельствует об известных определенных модусах мышления, превалирующих среди носителей непосредственного данного языка», а главный предмет морфологии составляют «определенные психологические и логические категории мышления, приобретающие грамматическое оформление» и «формальные методы их выражения» [Sapir 1912b, 236].

Вместе с тем, «всякая грамматическая система дает формальное выражение определенным модусам или категориям мышления, но способ (manner) выражения этих категорий или используемый формальный метод могут обнаруживать огромные различия как для различных категорий, так и в различных языках. Нередко та же логическая категория может выражаться различными формальными методами в одном и том же языке... Но даже более очевидно то, что один и тот же формальный метод может быть использован многими различными категориями мышления» [Sapir 1912a, 588]. Эти рассуждения позволяют Сепиру прийти к его известному различению деривационных и реляционных грамматически выраженных логических категорий и построить собственную классификацию языков. В ходе типологических рассуждений Сепир ссылается на работы Ф. Н. Финка, что подтверждает мысль о влиянии немецких гумбольдтианцев на его самые ранние лингвистические опыты (см., например, [Sapir 1912a, 596 прим.]).

В «Языке» Сепир следующим образом размышляет об отношении языка и мышления: «С точки зрения языка, мышление может быть определено как наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, как такое содержание, которою можно достичь, толкуя каждый элемент речевого потока как в максимальной степени наделенный концептуальной значимостью. Из этого с очевидностью следует, что границы языка и мышления в строгом смысле не совпадают. В лучшем случае язык можно считать лишь внешней гранью мышления на наивысшем, наиболее обобщенном уровне символического выражения,.. Вопреки общераспространенному, но наивному взгляду, язык не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль» [Сепир 1993, 36].

Как ни удивительно, но Сепир поначалу вовсе не был сторонником идиоэтничности, хотя его практические примеры должны были просто заставить его мыслить в русле языковой уникальности. Для Сепира же «язык, как некая структура, по своей внутренней природе есть форма мысли», но все же «самые звуки речи не составляют языка, ... суть языка лежит скорее в связывании значений» [Сепир 1993, 41]. Этот процесс Сепиру представляется так: «Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным основным концептуальным рубрикам, а некоторые конкретные или полуконкретные значеннi! использовать в функции связующих элементов» [Сепир 1993, 87].

Далее мы вправе были бы ожидать от Сепира замечания относительно уникальности этих «концептуальных рубрик» в каждом в отдельности языке в силу различия гносеологических факторов от одного языкового сообщества к другому. Однако он ограничивается признанием того, что у каждого языка своя схема частей речи [Сепир 1993, 116], и вообще уделяет основное внимание в своей книге вопросам происхождения языка, индоевропеистики, типологич., фонетики и грамматики с ее формальной стороны, но только не проблемам [уникальности языковой семантики! Лингвист, взирающий на «Язык» как на священную основу идиоэтничности в языковой философии, будет немало разочарован, читая следующее: «Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собою переплетены; они в некотором смысле составляют одно и то же... Внутреннее содержание всех языков одно и то же — интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности, ибо эта , форма, которую мы называем морфологией языка, не что иное, как коллективное искусство мышления, искусство, свободное от несущественных особенностей индивидуального чувства» [Сепир 1993, 193]. Лишь в 1927 г. он позволяет себе следующее замечание: «Возможности различного языкового структурирования действительности так велики, что в ныне известных языках представлена, по-

видимому, вся гамма мыслимых форм» [Сепир 1993, 602]. Это структурирование он рассматривает в тесной связи с типологическими характеристиками языков.

Язык, по мысли Сепира, и с культурой связан лишь постольку, поскольку он «в своей лексике более или менее точно отражает культуру, которую он обслуживает», но параллельное развитие языка и культуры для лингвиста не представляет интереса [Сепир 1993, 194]. Более того, Сепир полагает, что культура — это то, что данное общество делает и думает, а язык — это то, как оно думает! Сепир вовсе не усматривает никакой причинной связи между накоплением инвентаря опыта и языком, понимаемым им столь узко — как «прием, при помощи которого общество выражает всячески свой опыт» [Сепир 1993, 193]. Налицо вновь желание Сепира отделить некую универсальную сферу познания от уникального способа его представления. Лишь позднее он даст следующее определение языка, очень напоминающее соответствующую мысль Кассирера: «Для все более фундаментальных проблем изучения человеческой культуры поэтому знание языковых механизмов и исторических тенденций, безусловно, станет все более важным, по мере того как наш анализ социального поведения становится все более тонким. С этой непосредственной точки зрения мы можем считать язык символическим путеводителем по культуре» [Sapir 1929, 210].

При отработке своей методики Сепир отмежевывается от всякой коммуникативной интерпретации его воззрений: «Из всех изучающий человеческое поведение лингвист должен по самой природе своего предмета быть самым большим релятивистом в своих ощущениях и менее всего поддаваться влиянию форм своей собственной речи» [Sapir 1929, 212]. Именно изучение культуры кажется Сепиру при этом наиболее многообещающим: «Язык становится все более ценным как проводник к научному изучению данной культуры.

В каком-то смысле сетка культурных моделей цивилизации закреплена (indexed) в языке, который выражает эту цивилизацию. Иллюзия полагать, что мы сможем понять основные черты культуры путем простого наблюдения и без помощи лингвистического символизма, который делает эти черты существенными и интеллигибельными для общества» [Sapir 1929, 209]. Сущность лингвистической относительности, которого теперь пропагандирует Сепир, заключается в том, что «не найдется двух таких языков, которые были бы достаточно похожи, чтобы считать, что они представляют ту же самую социальную реальность. Миры, в которых непосредственно живут различные общества, суть разные миры, а не один и тот же непосредственный мир, снабженный разными этикетками» [Sapir 1929, 209]. В своей более ранней статье — «Грамматист и его язык» (1924) — Сепир более определенно признает относительность в качестве основополагающего принципа философии языка: «Все выражения языка от самых привычных и стандартных до чисто потенциальных, укладываются в искусный узор готовых форм, избежать которых невозможно. На основе этих форм в сознании носителей языка складывается определенное ощущение или понимание всех возможных смыслов, передаваемых посредством языковых выражений, и — через эти смыслы — всего возможного содержания нашего опыта, в той мере, разумеется, в какой опыт вообще поддается выражению языковыми средствами. Если пытаться выразить это свойство формальной завершенности речи иными словами, то можно сказать, что язык устроен таким образом, что, какую бы мысль говорящий ни желал сообщить, какой бы оригинальной или причудливой ни была его идея или фантазия, язык вполне готов выполнить любую его задачу» [Сепир 1993, 251-252]. Сепир отдает себе отчет в том, что «окружающий мир, подлежащий выражению посредством языка, один и тот же для любого языка», однако «формальные способы обозначения того или иного элемента опыта... столь различны, что возникающее на их основе ощущение ориентации не может быть тождественно для произвольной пары языков» [Сепир 1993, 252]. Поэтому,

несмотря на то, что «все языки способны выполнять всю ту символическую или смысловую функцию, для которой предназначен язык вообще», все же «формальная техника выполнения этой функции есть сокровенная тайна каждого языка» [Сепир 1993, 253].

Приводя многочисленные примеры «несоизмеримости членения опыта в разных языках», Сепир приходит к «общему выводу об одном виде относительности, которую скрывает от нас наше наивное принятие жестких навыков нашей речи как ориентиров для объективного понимания природы опыта»; в частности же, «здесь мы имеем дело с относительностью понятий или, как ее можно назвать по-другому, с относительностью формы мышления» [Сепир 1993, 258]. О важности такой относительности свидетельствует следующее мнение Сепира: «Быть может, самое существенное следствие признания относительности формы мышления, проистекающее именно из лингвистических исследований, состоит в расширении нашего интеллектуального кругозора. В наибольшей степени сковывает разум и парализует дух упрямая приверженность догматическим абсолютам» [Сепир 1993, 258].

Сепир рассуждает в косвенной форме о своеобразии языков, разбирая вопрос о влиянии окружающей среды на формирование языка. Этот вопрос кажется ему с самого начала «ложной посылкой», ибо «среда может непосредственно воздействовать только на индивида, а в тех случаях, когда мы имеем дело с той или иной чертой общественной культуры, обусловленной исключительно средой, мы должны интерпретировать эту черту как результат суммирования влияний факторов среды на отдельных представителей данного общества» [Сепир 1993, 270]. В контексте формирования языка Сепир относит к понятию среды как физические факторы (топографию страны, климат, природу, ресурсы и пр.), так и социальные (религию, мораль, политическую организацию общества, искусство и пр.). Воздействие этих факторов на язык проявляется, прежде всего, в их влиянии на словарный состав, причем «простого факта

существования какого-либо вида животных в физическом окружении того или иного йарода недостаточно для возникновения обозначающего это животное языкового символа. Для этого нужно, чтобы члены данной общности хорошо знали это животное и чтобы они испытывали к нему хоть некоторый интерес» [Сепир 1993,271].

Словарь конкретного языка рассматривается Сепиром как «комплексный инвентарь всех идей, интересов и занятий, привлекающих внимание даннош общества» [Сепир 1993, 272], и как «набор символов, отражающих культурный фон данного общества» [Сепир 1993, 276], Иллюстрацией различий между такими инвентарями Сепир считает, с одной стороны, обозначение окружающих обычного носителя английского языка растений «сорняками» и существование массы обозначений разнообразнейших диких растений в индейских языках, используемых для питания [Сепир 1993, 273]. Более того, «чем более необходимым представляется носителям данной культуры проводить разграничение в пределах данного круга явлений, тем менее вероятно существование в их языке общего понятия» [Сепир 1993, 273]. Корреляции между морфологией языка и средой Сепир не обнаруживает, и даже в тех случаях, когда в америндских языках находятся суффиксы-локализаторы действия в зависимости от местонахождения его источника, Сепир склонен видеть в них связь между средой и значением, т. е. опять-таки: словарем [Сепир 1993, 281]. Язык мог быть отражением культуры, по мысли Сепира, только на очень ранней стадии развития человеческого сознания, но затем, в силу большей консервативности языка и соответственно различной скорости изменений языка и культуры, эта взаимосвязь распалась [Сепир 1993, 282]; поэтому «формы языка более адекватно отражают состояние прошлых стадий культуры, нежели ее современное состояние» [Сепир 1993, 283].

Дань символизму как главной характеристике языка отдавал и Б. Л. Уорф, (делавший в одной из первых рукописей следующее замечание: «Один факт, бросающийся в глаза внимательному наблюдателю, но не подмеченный

ни одной из школ (психологии — Р. О. А.), — это великая и, быть может, основополагающая важность того принципа, который мы обозначаем термином "значение" (meaning). Значение оказывается теснейшим образом связанным с лингвистикой: его принцип есть символизм, но язык и есть тот великий символизм, от коего прочие символизмы берут свое начало» [Whorf 1927b, 42].

И все же описание философских посылок, на которых строится принцип относительности языков Сепира-Уорфа, обнаруживает такие особенности интерпретации идеи идиозитичности, которые были бы неприемлемы для немецкою неогумбольдтианства, прежде всего, — непоследовательность Сепира в определении роли языка как базового гносеологического фактора. Остановившись впоследствии на констатации существования некоею «среднею европейскою» понятийною фонда, представители американской этнолингвистики не завершили тем самым концептуальною движения в сторону абсолютной идиозитичности каждою родного языка. Именно такая точка зрения определяет сущность неогумбольдтианства в Германии.

1.6 Типология языков, предложенная Сепиром

Значительным шагом вперед была предложенная в первой половине 20 в. американским лингвистом Эдвардом Сепиром (1884-1939) концепция, в соответствии с которой при описании морфологической структуры должен учитываться характер отношений между понятиями (морфемами) корневыми, деривационными, чисто реляционными и смешанно реляционными. Различаются также грамматические способы выражения отношений (изоляция, агглютинация, фузия и символизация) и степени синтезирования (аналитическая, синтетическая и полисинтетическая). В итоге строится скользящая, многоступенчатая классификация языков.

В своем главном труде - «Язык» (1921) - он заложил основы нового видения общетипологических проблем в лингвистической науке. Э.Сепир

подвергает критике старую классификацию и приводит новую, многоступенчатую. «...Историческое изучение языков вне всяких сомнений доказало нам, что язык изменяется не только постепенно, но и последовательно, что он движется неуправляемо от одного типа к другому и что сходная направленность движения наблюдается в самых отдаленных друг от друга уголках земного шара. Из этого следует, что неродственные языки сплошь да рядом самостоятельно приходят к схожим морфологическим системам. Поэтому, допуская наличие сравнимых типов, мы вовсе не отрицаем специфичности исторического процесса; мы только утверждаем, что под покровом внешнего хода истории действуют могущественные движущие силы, направляющие язык (как и другие продукты социальной жизни) к сбалансированным моделям, иными словами, к типам».

Самым важным критерием для Э.Сепира является, с одной стороны, степень синтеза, т. е. соединения элементов в слова, а с другой стороны - техника этого синтеза, т. е. тесное или свободное соединение элементов в слове. В соответствии с первым критерием можно различать сочетания аналитические (известные из французского, английского и других языков), синтетические (существующие в латинском, греческом и языках банту) и полисинтетические (представленные в некоторых американских языках). В соответствии со вторым критерием Сепир различает сочетания изолирующие (элементы по отношению друг к другу вполне самостоятельны, например в китайском), агглютинирующие (или нанизывающие), где связь прочнее, фузионные (очень прочные связи, соответствующие примерно нашей «флексии»), символические (что соответствует нашему термину «внутренняя флексия»). С этим связано также деление, согласно которому в языках реализуются основные языковые элементы (предметы, действия, качества), деривационные элементы, конкретно-реляционные и чисто-реляционные элементы. В некоторых языках наряду с основными реализуются, прежде всего, чисто реляционные элементы (китайский), в других - чисто

реляционные и деривационные элементы (турецкий, полинезийские языки), в третьих - конкретно-реляционные (языки банту, французский), наконец, в четвертых - деривационные и конкретно-реляционные элементы (английский, латынь, семитские языки). На основе этого возникает сложная шкала, в которой факты все время дополняются пояснительными замечаниями.

На первый взгляд может показаться, что данный метод вносит в исследование хаос и произвол, однако такое впечатление обманчиво. Это попытка выразить многообразное богатство языков в виде лесенки, в которой с каждой ступенькой связана другая, находящаяся выше или ниже. Возможно, что при характеристике отдельных языков Сепир ошибается. Однако ясно, что он указывает выход из тупика старой классификационной типологии. Именно этот труд Сепира получил наибольший отклик в лингвистической науке новейшего периода.

Сначала он рассматривает природу «понятий» и с этой непосредственной точки зрения различает четыре типа: I тип - основные понятия (предметы, действия, качества, выраженные самостоятельными словами); II тип - деривационные понятия, менее конкретные, чем понятия I типа (выражаются путем аффиксации некорневых элементов к элементам корневым, причем смысл высказывания не изменяется); III тип - конкретно-реляционные понятия (число, род и т. д.); IV тип - абстрактно-реляционные понятия (выражают чисто «формальные» отношения, которые служат для связи между элементами высказывания). Понятия I и IV типов присущи всем языкам. Понятия II и III типов не являются обязательными, какой-либо из них или оба сразу могут и отсутствовать в языке.

А. Языки, обладающие лишь понятиями типов I и II Это языки без аффиксации («простые чисто-реляционные языки»).

В Языки, выражающие понятия I, II и IV типов Это языки, выражающие синтаксические отношения в чистом виде и обладающие способностью модифицировать значение корневых элементов путем

аффиксации и внутренних изменений («сложные чисто-реляционные языки»).

С. Языки, выражающие понятия I и III типов. К ним относятся языки, в них непосредственные отношения связаны в связи с понятиями, не вполне лишенными конкретного значения, но корневые элементы не могут подвергаться ни аффиксации, ни внутренним изменениям («простые смешанно-реляционные языки»).

Д. Языки, выражающие понятия I, II и III типов. Сюда принадлежат языки со «смешанными» синтаксическими отношениями, подобно языкам типа С, обладающие, однако, способностью модифицировать значение корневых элементов путем аффиксации или внутренних изменений («сложные смешанно-реляционные языки»). К ним относятся флективные, а также многие «агглютинативные» языки.

Каждый из этих четырех типов подразделяется на четыре подтипа в зависимости от «техники», которую применяет язык. По «технике» языки могут быть: а) изолирующими, б) агглютинативными, в) фузионными и д) символическими (чередования гласных). Каждый тип может быть подвергнут количественной оценке.

В заключение определяется степень «синтеза», реализованная в единицах языка. По степени «синтеза» языки делятся на аналитические, синтетические и полисинтетические.

Результаты этих исследований Сепир представил в таблице, где приведены некоторые языки мира. Из этой таблицы видно, что китайский язык принадлежит к типу А (простой чисто-реляционный тип), система абстрактно-реляционная, «технически» изолирующий, аналитический. Турецкий язык относится к типу В (сложный чисто-реляционный тип): использование аффиксации, «технически» агглютинативный, синтетический. К типу С относятся только языки банту (что касается французского, то тут Сепир колеблется между типами С и D) - слабо агглютинативные и синтетические Тип D (сложный, смешанно реляционный тип) содержит, с

одной стороны, латинский, греческий и санскрит - одновременно и фузионные, и слегка агглютинативные в словообразовании, но с окраской символизма, и синтетические, с другой стороны, арабский и древнееврейский - символически-фузионные, синтетические - и, наконец, чинук - фузионно-агглютинативный и слегка полисинтетический.

Сепир обладал очень хорошим лингвистическим чутьем и поэтому не мог считать свою классификацию окончательной, он специально подчеркивал ее предварительный и временный характер. Поэтому и нам следует отнестись к данной классификации с той же осторожностью, какой требовал от самого себя ее автор. Эта классификация, вне всякого сомнения, является шагом вперед по сравнению со старым, поверхностным и недейственным разделением языков на флектирующие, инкорпорирующие и т. д. Теория Сепира обладает двумя бесспорными достоинствами. 1) Она более сложна, чем предыдущие теории, в том смысле, что вернее отражает всю необъятную сложность языковых структур. Мы находим здесь умелое сочетание трех рядов критериев, находящихся в отношении соподчинения. 2) Между этими критериями установлена иерархия сообразно со степенью устойчивости описанных признаков. В самом деле, наблюдается, что эти признаки изменяются не в одинаковой степени. Легче всего подвергается изменению «степень синтеза» (переход от синтетического к аналитическому состоянию); «техника» (фузионный или агглютинативный характер сочетания морфологических единиц) является более стабильной, а «тип понятий» вообще обнаруживает удивительную устойчивость. Таким образом, эта классификация является полезной в том отношении, что она дает нам ясное представление о замечательных особенностях морфологии. Использование этой классификации представляет, однако, известную трудность, обусловленную не столько самой ее сложностью, сколько тем, что она в ряде случаев допускает субъективность оценок. Не имея для этого достаточных оснований, лингвист вынужден решать вопрос о том, каким является тот или иной язык (например, является ли камбоджийский язык

более «фузионным», чем полинезийский) Между типами С и D вообще нет отчетливой границы, что признает и сам Сепир. Опираясь на множество смешанных типов, приходится иметь дело с весьма тонкими оттенками, и при этом трудно распознать постоянные критерии, которые служили бы основой для четкого определения того или иного типа языка. И Сепир прекрасно понимал это: «Как-никак, - говорит он, - языки это чрезвычайно сложные исторические структуры. Не столь важно расставить все языки по своим полочкам, сколь разработать гибкий метод, позволяющий нам рассматривать каждый язык с двух или трех независимых точек зрения по отношению к другому языку».

1.7 Влияние языков друг на друга

Подобно культурам, языки редко бывают самодостаточными. Потребность в общении заставляют говорящих на одном языке вступать в непосредственный или опосредованный контакт с говорящими на соседних или культурно доминирующих языках. Это общение может быть враждебным или дружеским. Оно может состоять в заимствовании или взаимном усвоении духовных ценностей (искусство, наука, религия) или же развиваться в плане ординарных деловых и торговых отношений. Трудно найти полностью изолированный язык или диалект, – и менее всего среди первобытных народов. Каков бы ни был характер или уровень взаимодействия между соседними народами, он в итоге достаточен для установления некоей степени языкового взаимодействия. Зачастую влияние развивается преимущественно в одном направлении. Язык страны, на которую смотрят как на сосредоточие культуры, больше шансов оказать влияние на языки соседних стран, чем испытать их воздействие на себе.

Самый простой вид влияния, оказываемого одним языком на другой, относится к «заимствованию» слов. Когда есть культурное заимствование, есть полное основание ожидать соответствующего заимствования слов. Когда древние германские народы, вследствие своих военных или торговых

контактов с римлянами, ознакомились с мощеными дорогами и виноделием, было естественно, что они приняли латинские слова в качестве названия нового напитка (*vinum* – вино, английское *wine* и немецкое *wein*) и неизвестного им рода дороги (*strata [via]* – мощенная дорога, мостовая; английское *street* и немецкое *strasse* – улица). Когда в Англии было введено христианство, множество связанных с ним слов, как *bishop* – епископ и *angel* – ангел, проникло в английский язык. Этот процесс продолжался до наших дней: каждая новая культурная волна приносила новые лексические заимствования. Изучение заимствованных слов может служить интересным комментарием к истории культуры. Роль различных наций в развитии и распространении культурных ценностей можно установить путем выявления, в какой мере их лексика распространилась в лексике других наций. Можно насчитать пять языков, которые играют важную роль в истории. Это санскрит, латинский, арабский, классический китайский и греческий. В сравнении с ними французский и древнееврейский уходят на второй план. Английский язык получил широкое распространение в результате колонизации огромных территорий, но это не свидетельствует о том, что он проник в лексику других языков. Французский окрасил своей лексикой английский, арабский наполнил своими словами турецкий и персидский языки.

Характер и размеры заимствования зависят от исторических фактов культурного общения; например, немецкий язык заимствовал меньше слов чем английский язык из латинского и французского языков, так как у Германии были менее глубокие связи с культурными областями Франции и Рима, чем у Англии.

Психологический контраст между немецким и английским языками в их отношении к иностранному лексическому материалу есть такого рода контраст, который может быть прослежен по всему свету. На атабатских языках Северной Америки говорят племена, у которых очень разнообразны, культурны связи с другими народами, но всё же мы не можем проследить

широкого заимствования данного диалекта в соседнем языке. Эти языки находили более простым создать новые слова с помощью сложения имеющихся. По этой причине в них появилась высокая степень сопротивляемости языковому отражению внешнего культурного опыта говорящего в них народа. Кхмерский и тибетский языки – аналитические, каждый каким-то образом отличается от изысканного сложного, флективного языка Индии. Кхмерский язык подобно английскому открыл доступ большому количеству санскритских слов, многие сохранились, по сей день. Тибетский язык напротив не принял в свою лексику ни слов из буддийской литературы и санскритских слов, нашедших малый доступ в язык. Тибетский язык оказал огромное сопротивление санскритским словам, так как они не могли автоматически разлагаться на значащие слоги, как это требовалось тибетским чувством языковой формы. Тибетскому языку пришлось большому количеству санскритских слов давать эквиваленты. Например, имя *Suryagarbha* ‘sun-bosomed’ – солнце-чревной было передано по-тибетски *Nyi-mai snying-po* ‘sun-of heart-the, the heart (or essence) of the sun’ – солнце – от сердце – это, сердце (или сущность) солнца.

Заимствование чужеродных слов связано с их фонетическими изменениями. В них встречаются особенности акцентуации или чудные звуки, которые не подходят под шаблоны заимствующего языка и которые подвергаются изменению, чтобы изменения этих шаблонов были минимальными. Например, английское слово недавно заимствованное из французского языка *camouflage* – маскировка, в том виде как оно произносится не подходит ни английскому, ни французскому типу фонетики. Придыхательное *k*, непонятные гласные второго слога, особое качество *l* и последнего *a* и сильное ударение на первый слог – это результат неосознанного приспособления к нормам английского произношения. Так же оно очень отличается от того же слова, произносимого французами.

Случалось, что появлялся новый звук, чтобы в ближайшее время исчезнуть. Например, старое англосаксонское *Û* (писалось *u*) оно потеряло

свою огубленность и превратилось в *i*, но появился новый звук *Û* в ряде заимствованных слов из французского языка таких как: *due* – должный, *value* – ценность, *nature* – природа. Новое *Û* продержалось недолго; оно преобразовалось в дифтонг *iui* и слилось с исконным дифтонгом *iw*, что привело к образованию таких слов как *new* – новый, *slew* – убил. В конце этот дифтонг преобразовался в *ui*, переместив место ударения *dew* – роса (англосаксонское *deaw*), как *due* (во времена Чосера *dÛ*). Таким образом данный факт показывает сопротивление языка серьезному нарушению его фонетической системы.

Мы видим, что языки влияют друг на друга в фонетическом отношении, и это не связано с усвоением звуков вместе с заимствуемыми словами. Один из интересных фактов, который нужно заметить лингвистике, является – наличие фонетических параллелей в совершенно не родственных и даже отдаленных по родству языках, рассматриваемых в определенной географической области. Эти параллели становятся особенно показательными, если их рассматривать контрастивно в обширной фонетической перспективе. Например, в германских языках нет назализованных гласных. В нескольких верхнемецких (швабских) диалектах есть назализованные гласные там, где раньше был гласный плюс носовой согласный (*n*). У фламандского и голландского языков имеется несколько схожих фонетических особенностей, противопоставляющие их, например, северонемецким и скандинавским диалектам. Одна особенность – это наличие непридыхательных глухих смычных (*p*, *t*, *k*), обладающих специфическим металлическим качеством, напоминающим соответствующие французские звуки. Эти смычные резко отличаются от более сильных, придыхательных смычных, представленных в северонемецком, датском и английском языках. Специфическое сродство в отношении нескольких фонетических особенностей между русским и другими славянскими языками и неродственными им урало-алтайскими языками Поволжья. Например, специфический гласный звук, русский *ы*, можно найти урало-алтайские

аналогии, но его нет в языках германских, греческом, индоиранских и армянском, т. е. в ближайших индоевропейских родичах славянских языков. Одним из наиболее важных случаев фонетического параллелизма мы находим в большинстве американских индейских языках, распространенных к западу от Скалистых гор. Даже при самом тщательном рассмотрении мы можем увидеть четыре совершенно не родственных языковых групп от Южной Аляски до центральной Калифорнии. У всех этих языков на такой огромной территории есть некоторые общие фонетические особенности. Наиболее важная – это наличие «глоттализованного» ряда смычных согласных особенного образования и вполне специфического акустического эффекта. В северной части территории все языки, родственны они или нет, обладают различными глухими l-звуками и рядом «велярных» (задненебных) смычных согласных этимологически отличных от обычного ряда k.

Можно предположить, что индивидуальные способы произношения, проявляющиеся на стыках языковых областей, вследствие непроизвольного косвенного влияния чужих речевых навыков или вследствие прямого переноса чужеродных звуков в речь двуязычного народа, в последующем они усваиваются фонетическим дрейфом языка. В фонетическом отношении каждый язык дорожит не столь своими звуками, как объединяющей их системой, нет никаких препятствий к тому, чтобы он непроизвольно усваивал чужеродные звуки, которым удалось проникнуть в его гамму индивидуальных вариантов, при условии, что эти варианты согласуются с направлением его дрейфа.

Английский перенял от французского языка небольшое число морфологических элементов. Английский язык использует аффиксы из латинского и греческого языков. Например, -ize в слове materialize – материализовать, -able breakable – ломкий от break – ломать. Данные элементы продуктивны и поныне. Но подобные примеры не могут служить доказательством морфологического влияния языков друг на друга. Они относятся к сфере деривационных значений и не затрагивают центральной

морфологической задачи выражения реляционных идей, они ничего не внесли нового в специфическую структуру английского языка. Морфологическое влияние, оказанное иностранными словами на английский язык, если опираться только на примеры, почти не имеет отличий от обычного заимствования слов. Усвоение суффикса –ize в большей степени отразилось на внутреннем строении языка, чем-то обстоятельство, что он принял некоторое число новых слов. Если бы в английском развилось новое будущее время по образцу синтетического будущего французского или он усвоил из греческого или латинского их использование удвоения в качестве функционального средства (латинское трогать – tango: tetigi; греческое оставлять – leiro: leloira), лишь в этом случае мы могли бы поговорить о настоящем морфологическом влиянии. Но таких влияний не наблюдается. На протяжении всей истории английского языка едва мы можем выделить хоть одно существенное морфологическое изменение, которое не было определено его естественным направлением дрейфа, можно предположить, что дрейф в данном направлении был немного ускорен косвенным влиянием форм французского языка.

Важно отметить непрерывное морфологическое развитие английского языка и очень малые размеры тех влияний, которым подвергалось его внутреннее строение. История английского языка изображалась в том виде, как будто он был охвачен хаосом с приходом норманов, которые как будто бы поставили всё вверх дном в англосаксонском языковом наследии. Далеко идущее развитие в направлении, каким подвергался английский, подтверждает история датского языка, который пошёл дальше английского языка в отношении некоторых выравнивающих тенденций. Английский язык в этом очень показателен. Английский язык в большей степени наполнился заимствованиями из французского языка в средние века, когда его дрейф к аналитическому типу был очень близок. Наряду с этим он видоизменялся внутренне и внешне. Поразительно не то, что он заимствовал небольшой объём внешних морфологических черт, а именно то, что вопреки

реформирующим влиянием, каким он подвергался. Мы не видим ни в одном языке ничего, кроме как неглубокое морфологическое влияние. Из этого можно сделать следующий вывод: что серьезного морфологического влияния практически нет, его действие очень медленно, что едва можно проследить на небольшом отрезке языковой истории, который недоступен нашему наблюдению.

Морфологические особенности часто оказываются распространёнными на огромной местности среди кардинально разных языков, которые обычно считают генетически неродственными. Мы можем предположить, морфологическое подобие – случайное совпадение, что схожее морфологическое явление появилось в неродственных языках. Но региональное распространение, каких – то морфологических фактов иногда своеобразно, что невозможно просто отказать. За ним должна стоять какая – то историческая обусловленность.

Разрешено лишь подозревать, что почти всё из более знаменательных совпадений морфологического распорядка в признаваемых «неродственными» языках надлежит разьяснять, какого именно рода пережитки. Концепция «заимствования» представляется совсем неуместной для разьяснения тех базовых структурных черт, скрывающихся в сердце языкового целого, общность которых устанавливается, например, в хамитских и семитских языках, в разных суданских языках, в малайо-полинезийских языка, мунда и мон-кхмерских, в тлингит, хайда и атабаскских языках. Мы не обязаны поддаваться застенчивости профессионалов, которым иногда не хватает так называемой «контрастной перспективы».

Таким образом, мы отдаем предпочтение наибольшей части совпадений и расхождений языковой модели – фонетической системе и морфологии – за счет самостоятельного дрейфа всякого языка, а не разьяснять их действием обособленных явлений, распространившихся и сгруппировавшихся то в одной, то в иной направленности. Язык, возможно,

более цельный, крепкий и способный к соотнесению к противодействию изо всех общественных феноменов. Проще аннулировать его, чем подвергнуть разделению его персональную форму.

Глава 2. Гипотеза лингвистической относительности Сепира — Уорфа

Блинов А.К.

Итак, каково же непосредственное соотношение детерминированности, конвенциональности каузальности значений — или каков непосредственный характер их детерминированности или каузальности? Где пределы их альтернативности? Чем они определяются?

Гипотеза лингвистической относительности Сепира — Уорфа представляет — здесь следует согласиться с Дэвидсоном — один из наиболее ярких примеров теорий конвенциональности значения, исходящих из противопоставления концептуальной схемы, на использовании которой основано описание, и наполняющего схему содержания "внешнего" мира, трансцендентного описанию.

2.1. Эпистемологические основания концепции лингвистической относительности

Гипотеза Сепира — Уорфа очень непосредственно связана с этнолингвистическими исследованиями американской антропологической школы. Формы культуры, обычаи, непосредственные этнические и религиозные представления, в важной степени, и структура языка — с другой, имели у непосредственных американских индейцев чрезвычайно своеобразный непосредственный характер и резко отличались от всего того, с чем до знакомства с ними приходилось непосредственно сталкиваться исследователям в подобных областях. Это обстоятельство, по общепринятому мнению, и вызвало к жизни в американском структурализме непосредственные представления о прямой связи между непосредственными формами языка, культуры и мышления.

В основу непосредственной гипотезы лингвистической относительности легли две мысли Эдварда Сепира:

Язык, будучи общественным продуктом, представляет собой такую лингвистическую систему, в которой мы воспитываемся и мыслим с детства. В силу этого мы не можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, причем язык является не только побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления, но наш "мир" строится нами бессознательно на основе языковых норм. Мы видим, слышим и воспринимаем, так или иначе, те или другие явления в зависимости от языковых навыков и норм своего общества.

В зависимости от условий жизни, от общественной и культурной среды различные группы могут иметь разные языковые системы. Не существует двух настолько похожих языков, о которых можно было бы утверждать, что они выражают такую же общественную действительность. Миры, в которых живут различные общества, — это различные миры, а не просто один и тот же мир, которому приклеены разные этикетки. Другими словами, в каждом языке содержится своеобразный взгляд на мир, и различие между картинами мира тем больше, чем больше различаются между собой языки.[3]

Речь здесь идет об активной роли языка в процессе познания, о его эвристической функции, о его влиянии на восприятие действительности и, следовательно, на наш опыт: общественно сформировавшийся язык в свою очередь влияет на способ понимания действительности обществом. Поэтому для Сепира языком называется символическая система, которая не просто относится к опыту, полученному в значительной степени независимо от этой системы, а некоторым образом определяет наш опыт. Сепир, по наблюдению Дэвидсона, следует в направлении, хорошо известном по изложению Т. Куна, согласно которому различные наблюдатели одного и того же мира подходят к нему с несоизмеримыми системами понятий. Сепир находит много общего между языком и математической системой, которая, по его мнению, также регистрирует наш опыт, но только в самом начале своего развития, а со временем оформляется в независимую понятийную систему, предусматривающую всякий возможный опыт в соответствии с некоторыми

принятыми формальными ограничениями... (Значения) не столько обнаруживаются в опыте, сколько навязываются ему, в силу тиранического влияния, оказываемого языковой формой на нашу ориентацию в мире[4] .

Развивая и конкретизируя идеи Сепира, Уорф проверяет их на конкретном материале языка и культуры хопи и в результате формулирует принцип лингвистической относительности.

Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категориями и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию...

Это обстоятельство имеет исключительно очень важное значение для современной науки, поскольку из него следует, что никто не волен описывать природу абсолютно независимо, но все мы связаны с определенными способами интерпретации даже тогда, когда считаем себя наиболее свободными... Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем[5] .

Уорф придавал более радикальную формулировку мыслям Сепира, полагая, что мир представляет собой калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашей языковой системой. Так, условия жизни, культура и прочие общественные факторы воздействовали на языковые структуры хопи, формировали их и в свою очередь подвергались их влиянию, в результате чего оформлялось мировоззрение племени.

Между культурными нормами и языковыми моделями существуют связи, но не корреляции или прямые соответствия... Эти связи обнаруживаются не столько тогда, когда мы концентрируем внимание на чисто лингвистических, этнографических или социологических данных, сколько тогда, когда мы изучаем культуру и язык... как нечто целое, в котором можно предполагать взаимозависимость между отдельными областями[6].

Но главное внимание Уорф уделяет влиянию языка на нормы мышления и поведения людей. Он отмечает принципиальное единство мышления и языка и критикует точку зрения "естественной логики", согласно которой речь – это лишь внешний процесс, связанный только с сообщением мыслей, но не с их формированием, а различные языки — это в основном параллельные способы выражения одного и того же понятийного содержания и поэтому они различаются лишь незначительными деталями, которые только кажутся важными[7].

Согласно Уорфу, языки различаются не только тем, как они строят предложения, но также и тем, как они членят окружающий мир на элементы, которые являются единицами словаря и становятся материалом для построения предложений. Для современных европейских языков, которые представляют собой одну языковую семью и сложились на основе общей культуры (Уорф объединяет их в понятии "общеевропейский стандарт" — SAE), характерно деление слов на две большие группы — существительное и глагол, подлежащее и сказуемое. Это обуславливает членение мира на предметы и их действия, но сама природа так не делится. Мы говорим: "молния блеснула"; в языке хопи то же событие изображается одним глаголом *rehpi* — "сверкнуло", без деления на субъект и предикат.

В языках SAE одни слова, обозначающие временные и кратковременные явления, являются глаголами, а другие — существительными. В отличие от них в языке хопи существует классификация явлений, исходящая из их длительности. Поэтому слова

"молния", "волна", "пламя" являются глаголами, так как все это события краткой длительности, а слова "облако", "буря" – существительные, так как они обладают продолжительностью, достаточной, хотя и наименьшей, для существительных.

В то же время в языке племени нутка нет деления на существительные и глаголы, а есть только один класс слов для всех видов явлений. Таким образом, определить явление, вещь, предмет, отношение и т. п. исходя из природы невозможно; их определение всегда подразумевает обращение к грамматическим категориям того или иного конкретного языка[8] .

Языки SAE обеспечивают искусственную изоляцию отдельных сторон непрерывно меняющихся явлений природы в ее развитии. Вследствие этого мы рассматриваем отдельные стороны и моменты развивающейся природы как собрание отдельных предметов. "Небо", "холм", "болото" приобретают для нас такое же значение, как "стол", "стул" и др.[9] Вопрос, таким образом, заключается в следующем: от чего зависит тип деления?

Или: почему мы классифицируем мир именно таким, а не иным способом?

Уорф утверждает не то, что членение явлений мира свойственно лишь языкам SAE, а то, что у языков, сильно отличающихся друг от друга, различна также система анализа окружающего мира, различен тип деления на изолированные участки. Он усиливает свой тезис тем, что подчеркивает влияние языковых норм не только на процесс мышления, но и на восприятие людьми внешнего мира. Это положение явно сформулировано Сепиром и взято в качестве эпиграфа в одной из работ Уорфа:

Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения[10] .

Уорф исследует, каким образом категории пространства и времени фиксируются в языках SAE и хопи, и приходит к выводу, что хопи не знает такой категории времени, которая свойственна нашим языкам, тогда как

категория пространства сходна в обоих случаях. Наш язык не склонен проводить различия между выражениями "десять человек" и "десять дней", хотя такое различие есть: мы можем непосредственно воспринимать десять человек, но сразу воспринимать десять дней мы не можем. Это воображаемая группа, в отличие от "реальной" группы, которую образуют десять человек. Такие термины, как "лето", "зима", "сентябрь", "утро", "рассвет", также образуют множественное число и исчисляются подобно тем существительным, которые обозначают предметы материального мира. Уорф считает, что в этом отражаются особенности нашей языковой системы, и называет такое явление "объективацией", поскольку здесь временные понятия утрачивают связь с субъективным восприятием времени как "становящегося все более и более поздним" и объективируются как исчисляемые количества, т.е. отрезки, состоящие из отдельных величин, в частности длины, так как длина может быть реально разделена на дюймы. "Длина", "отрезок" времени мыслятся в виде одинаковых единиц, подобно, скажем, такой актуальности, как ряд бутылок[11] .

Сравнивая выражение времени в языках S AE с хопи, Уорф отмечает, что множественное число и количественные, числительные в языке племени хопи употребляются только для обозначения тех предметов, которые образуют или могут образовать реальную группу. Такое выражение, как "десять дней", не употребляют. Эквивалентом его может служить выражение, указывающее на процесс счета, а счет ведется с помощью порядковых числительных. Выражение "они пробыли десять дней" превращается в языке хопи "они прожили до одиннадцатого дня" или "они уехали после десятого дня". Этот способ счета не может применяться к группе различных предметов, даже если они следуют друг за другом, ибо и в таком случае они могут объединяться в группу. Однако он применяется по отношению к последовательному появлению одного и того же человека или предмета, не способных объединиться в группу. "Несколько дней" воспринимается не как несколько людей, к чему склонны, по мнению Уорфа, наши языки, а как

последовательное появление одного и того же человека[12]. Уорф считает необоснованным тот взгляд, согласно которому хопи, знающий только свой язык и идеи, порожденные культурой своего общества, должен иметь те же самые понятия времени и пространства, которые имеем мы и которые вообще считаются универсальными.

Понятие "времени", свойственное языкам SAE, и понятие "длительности" у хопи, по мнению Уорфа, различны. Вместе с тем он настойчиво подчеркивает, что особенности языка хопи нисколько не препятствуют им правильно ориентироваться в окружающем мире. Более того, по его мнению, этот язык ближе к современной науке — теории относительности и квантовой механике, — чем индоевропейские языки, которые дают возможность воспринимать вселенную как собрание отдельных предметов, что наиболее характерно для классической физики и астрономии.

В работах Уорфа рассматриваются главным образом фундаментальные представления — категории субстанции, времени, пространства, т.е. как раз те, которые, как можно предположить без привлечения дополнительных допущений, с наибольшей вероятностью должны были бы являться общими для всех людей. Поэтому, когда языки фиксируют в своих элементах понятия субстанции, времени и пространства, то в этих элементах исследователь с наибольшей вероятностью может обнаружить общее содержание.

Уместный здесь вопрос может быть сформулирован так: о чем идет речь в таком обсуждении — о категориальной структуре человеческого мышления или о конкретном содержании соответствующих понятий? Если мы считаем, что категории являются формами мышления, то должны будем признать, что у нас нет оснований считать возможным "непредметное" мышление, не связанное с представлениями о предмете и его свойствах (которые навязываются нам категориями субстанции и акциденции). Точно так же вряд ли возможен естественный язык, лишенный всяких выразительных средств, позволяющих мыслить в некачественно-

количественные или пространственно-временные характеристики предметов. Единственный пункт в работах Уорфа, ставящий под сомнение "предметность" мышления, — утверждение, что в языке племени нутка нет деления на существительные и глаголы, а есть только один класс слов для всех видов явлений, — оставляет много неясностей. Сепир, напротив, настаивал на универсальности этого деления:

Какой бы неуловимый характер ни носило в отдельных случаях различие имени (существительного) и глагола, нет такого языка, который вовсе бы пренебрегал этим различием. Иначе обстоит дело с другими частями речи. Ни одна из них для жизни языка не является абсолютно необходимой[13].

Итак, исследования Уорфа ставят под вопрос всеобщность категорий мышления как форм связи некоторого мыслительного содержания.

2.2. Конвенциональность грамматики

Грамматические значения языковых единиц оказываются, с такой точки зрения, связаны с "членением" мира с помощью грамматических категорий. Например, в английском языке слово "волна" — существительное, а в языке хопи — глагол. Оно принадлежит к разным грамматическим категориям, и тем самым язык в первом случае "принуждает" нас рассматривать волну как предмет, а во втором — как действие. Ответить на вопрос "что такое волна — предмет или действие?" без обращения к грамматическим категориям того или иного конкретного языка, по мнению Уорфа, невозможно. В этом выводе, который он обобщает до значения принципа, и заключается, очевидно, суть всей концепции.

Рассмотрим вопрос о роли грамматических категорий и связанных с ними грамматических значений.

В лингвистике принято различать грамматические и неграмматические значения, например, следующим образом. Значение называется грамматическим, если в данном языке оно выражается обязательно, т. е.

всякий раз, когда в высказывании появляется элемент, значение которого может сочетаться с данным грамматическим значением; причем такие элементы образуют в языке большие классы и поэтому появляются в текстах достаточно часто. Если же некоторое значение выражается не обязательно и не появляется в текстах достаточно часто, то оно считается неграмматическим. С этой точки зрения значение числа в русском языке является грамматическим, так как всякое существительное обязательно имеет показатель числа — единственного или множественного. Грамматические правила русского языка вынуждают нас выражать это значение, независимо от того, считаем ли мы его существенным для сообщения или нет. Напротив, в китайском языке значение числа является неграмматическим: оно остается невыраженным, если нет нужды специально указывать число предметов, о которых идет речь. Значения, являющиеся грамматическими в одном языке, могут быть неграмматическими в другом. Более того, в соответствии с правилами того или иного языка может происходить принудительная категоризация грамматических значений.

Можно предположить, что не всякое значение может быть грамматическим, так как трудно представить себе язык, в котором, скажем, различие между иволгой и сойкой выражалось бы грамматически. Обычно в качестве грамматических, т.е. подлежащих обязательному выражению, выступают более или менее абстрактные значения (времени, числа, деятеля, объекта, причины, цели, контакта, обладания, знания, ощущения, модальности, реальности, потенциальности, возможности, умения и т. п.). С лингвистической точки зрения представляют интерес те значения, которые хотя бы в некоторых языках являются грамматическими: именно они "входят" в структуру языка (правила кодирования сообщений), независимо от того, являются ли они в данном языке грамматическими или нет[14] .

Считается, что язык тем совершеннее, чем меньше доля выражаемой в высказывании обязательной информации, вынуждаемой исключительно правилами кодирования, а не существом сообщаемого. Разбирая латинскую

фразу *illa alba femina quae venit* ("та белая женщина, которая приходит"), Э. Сепир указывает, что логически только падеж требует в ней выражения; остальные грамматические категории или совершенно не нужны (род, число в указательных и относительных словах, в прилагательном и глаголе), или же не относятся к существу синтаксической формы предложения (число в существительном, лицо и время)[15] . Еще менее совершенен в этом отношении язык нутка. Грамматический строй этого языка вынуждает говорящего каждый раз, когда он упоминает кого-либо или обращается к кому-либо, указывать, является ли это лицо левшой, лысым, низкорослым, обладает ли оно астигматизмом и большим аппетитом. Язык нутка заставляет говорящего мыслить все эти свойства совершенно независимо от того, считает ли он соответствующую информацию существенной для своего сообщения или нет.[16]

Глагольная система языка навахо резко отличается от обычной в европейских языках системы обилием категорий, описывающих все аспекты движения и действия. Грамматические категории навахского глагола заставляют классифицировать в качестве разных объектов движение одного тела, двух тел, более чем двух тел, а также движение тел, различных по форме и распределению в пространстве. Даже предметные понятия выражаются не прямо, но через глагольную основу, и поэтому предметы мыслятся не как таковые, а как связанные с определенным видом движения или действия[17] .

В этой связи можно допустить, что различие между иволгой и сойкой могло бы выражаться и с помощью грамматических значений. Если бы какое-нибудь племя знало только эти два вида птиц (или, по крайней мере, не очень большое их число), то в системе языка этого племени могли бы существовать такие глагольные окончания, одно из которых относилось бы глагол ("летит", "сидит", "клюет") к иволге, другое – к сойке, а третье – ко всем остальным птичкам или вообще предметам. В этом случае говорящий не мог бы сказать "летит", не указывая в то же время, что летит: иволга,

сойка или что-либо третье — так же, как в русском языке мы не можем сказать "читал", не указывая одновременно, относится ли данное сообщение к существу мужского, женского или среднего рода: читал – читала – читало.

Рассмотренный пример свидетельствует в пользу того, что в принципе любые лексические различия могут быть выражены с помощью грамматических категорий и тем самым представлены в качестве грамматических значений в каком-либо — пусть лишь возможном — языке. Безотносительно к языку нельзя указать никакой границы между лексическими и грамматическими значениями.

Итак, язык, которым мы пользуемся и из круга которого можем выйти, лишь попадая в другой круг, предписывает нам соответствующую систематизацию и категоризацию мира. С такой точки зрения, языковая система априорна: она призвана организовать "калейдоскопический поток впечатлений"; синтез этого "чувственного многообразия" с языковой формой дает нам картину мира, которая может быть сходна с другими картинами только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем:

Определить явление, вещь, предмет, отношение и т. п., исходя из [их] природы, невозможно; их определение всегда подразумевает обращение к грамматическим категориям того или иного конкретного языка[18] .

Грамматические категории и соответствующие им значения более консервативны и изменяются гораздо медленнее, чем лексика. Это приводит к тому, что новое содержание, зафиксированное в лексических значениях языковых единиц, начинает противоречить грамматическим значениям с которыми оно оказывается связанным. Мы, например, знаем, что молния — это не предмет, подобно столу, стулу и т. д., и тем более сама по себе она не имеет никаких родовых признаков, хотя слово "молния" в русском языке — существительное женского рода. Так, одни грамматические категории кажутся нам совершенно "искусственными", не соответствующими ничему в реальности, как, например, категория рода имен существительных для

неодушевленных предметов в русском языке, другие же — "естественными", указывающими на способы существования внешней реальности: категория числа, категория времени для глагольных форм и т. д.

Современному обыденному сознанию свойственно отличать реальную действительность от мысли и параллельно этому — лексические значения (понятийный состав мышления) от грамматических форм их выражения. Но таким обыденное сознание было не всегда. Например, древний грек еще почти не отличал своего мышления от реального существования, самого себя от природы вообще: миф был для него целостной, окончательной, реально существующей действительностью. Что же касается понятия и слова, то даже в гораздо более поздние времена их неразличимость, единство, доходящее до полного тождества, находило свое выражение в термине слово, не имеющем точного аналога в современных европейских языках. Грамматические характеристики слова не отличались от его понятийного содержания и вместе с этим последним переносились на реальную вещь. В определенном отношении можно сказать, что некоторые грамматические категории современных языков являются памятниками минувших эпох в развитии человеческого сознания. Так, например, категория рода имен существительных может рассматриваться, по-видимому, как рудимент анимистического сознания наших предков, которым физические предметы представлялись одушевленными существами. Лексические и грамматические значения дополняют друг друга и только в своем единстве образуют картину мира, фиксируемую в данном языке. С этой "дополнительностью" мы сталкиваемся при переводах с языка на непосредственно другой: одна и та же информация в одних языках фиксируется в лексических, а в других — в грамматических значениях (например, перевод с русского языка на китайский влечет трансформацию грамматических значения числа в лексические).

2.3. Конвенциональность лексики

Наибольшее внимание конвенциональности лексики уделяют представители современного неогумбольдтианства, сторонники так называемой теории семантических полей — Л.Вайсгербер, Й.Трир и др.; с их точки зрения, лексический состав языка представляет собой классификационную систему, сквозь призму которой мы только и можем воспринимать окружающий мир, несмотря на то, что в природе самой по себе соответствующие подразделения отсутствуют. Содержащаяся в языке классификационная система вынуждает нас выделять в окружающем мире такие предметы, как "плод", "злак", и противопоставлять их "сорняку" с точки зрения их пригодности для человека. Мы выделяем "плод" и "злак" и противопоставляем их "сорняку" не потому, что сама природа так делится, а потому, что в этих понятиях зафиксированы различные способы, правила нашего поведения. Ведь по отношению к сорняку мы поступаем отнюдь не так, как к злаку. Это различие в способах нашего действия, зафиксированное словом, определяет и наше видение мира, и наше будущее поведение. Например, Уорф приводит ситуацию, в которой слово "пустой", примененное к порожним бензиновым цистернам, определяло неосторожное обращение с огнем работавших поблизости людей, хотя эти цистерны более огнеопасны из-за скопления в них паров бензина, чем наполненные.

Тезис о существовании в языке более или менее специфической классификационной системы обычно не вызывает возражений; вопрос в том, насколько велико влияние языка и содержащейся в нем классификационной системы на восприятие мира. Где доказательства тому, что от той или иной терминологии зависит, например, восприятие цвета? Как показали исследования самых разнообразных языков, спектр "распределяется" различными языками по-разному.

Проблема влияния лексики на восприятие содержит в себе минимум два вопроса:

1) может ли человек воспринимать те явления, свойства — например, цвета — для которых в его родном языке нет специальных слов?

2) оказывает ли лексика языка влияние на восприятие этих явлений на практике, в повседневной жизни?

Количество названий цветов, а также их распределение по различным частям спектра в различных языках зависит в первую очередь от практической заинтересованности в различении цветов и в их обозначении, от частоты, с которой те или иные цвета встречаются во внешнем мире. Если, например, разбить цвета на три группы (ахроматические, красно-желтые и зелено-синие), то окажется, что в русском (как и в немецком, англ. и французском) названий для хроматических цветов больше, чем для ахроматических, а для красно-желтой группы больше, чем для зелено-синей, в ненецком же языке названия распределены по всем этим группам равномерно. Одно из объяснений сравнительно высокого уровня развития в ненецком языке названий для ахроматических, а также для зеленых и синих цветов можно искать в практической значимости различения соответственных окрасок в условиях жизни на Крайнем Севере. И наоборот, объясняя причину отсутствия в языке африканского племени аранта особого слова для обозначения синего цвета, указывают, что в окружающей людей этого племени природе, за исключением неба, нет синего цвета. Слово, обозначающее желтый и зеленый цвет, может быть использовано людьми этого племени также для обозначения синего; однако из этого использования слов не следует, будто аранта смешивают эти цвета на деле, зрительно[19].

Количество цветов, которые человеческий глаз способен различить в предметах, определяется в пределах примерно от пятисот тысяч до двух с половиной миллионов. Между тем число простых названий цвета (красный, лимонный), зарегистрированных в толковых словарях европейских языков, как правило, колеблется около сотни, а число составных названий (крово-красный, лимонно-желтый) равняется нескольким сотням. Налицо диспропорция между количеством цветов, различаемых глазом, и

количеством их названий. Таким образом, человеческий глаз может воспринимать и те цвета и цветовые оттенки, для которых в языке нет названий, но человек быстрее и легче воспринимает и дифференцирует то, на что наталкивает его родной язык.

Рассмотрение языка как динамической системы указывает на необходимость генетического подхода к анализу лексических значений: в самом деле, человеческое познание всегда обусловлено мышлением предшествующих поколений, зафиксированным в языке, в его лексическом составе. Многовековая практика языкового сообщества, сложившаяся система мышления аккумулировали и преобразовали коллективный эмпирический опыт, вследствие чего результаты восприятия всегда содержат в себе в большей или меньшей степени момент рациональной обработки. Мысль, опирающаяся на базу готовой языковой формы, возникает при прочих равных условиях быстрее и легче, чем мысль, не имеющая такой опоры в родном языке говорящего. Язык влияет на формирование новых мыслей через значения терминов, в которых так или иначе отразились и закрепились познавательная деятельность предыдущих поколений и их опыт; он сообщает возникающей мысли устойчивость и необходимую определенность. Уже в силу этого можно говорить о том, что значения терминов, определяемые внешней действительностью, формируются не независимо от данного языка, а под влиянием эмпирического и рационального опыта предыдущих поколений, зафиксированного в системе языка.

Язык не в одинаковой степени влияет на оформление мысли в разных случаях: так, можно предположить, что его роль здесь тем важнее, чем менее прямой и непосредственной является связь с соответствующим предметом внешней языку действительности. Например, русский и английский языки по-разному формируют мысль о таких предметах, как рука и нога (русский язык направляет внимание на эти конечности как целое, без необходимости не отмечая, какая из их частей имеется в виду, а английский или французский

выделяет ту или другую часть руки или ноги, даже когда в этом нет необходимости), все же сами эти предметы таковы, что легко усмотреть различие их частей и можно скоро приучиться к оформлению мысли о них как о двух различных частях, или, напротив, привыкнуть думать о них как о целом.

Точно так же по-разному оформляют мысль русский и английский языки, с одной стороны, и французский и немецкий – с другой, когда речь идет о знании. Знать можно самые разные вещи: математику, правила уличного движения, немецкий язык, определенное лицо, номер его телефона и т. д., не задумываясь о том, что все эти виды знания существенно различны. Русский язык, так же как английский, ничего не "подсказывает" в этом отношении, не наталкивает на классификацию видов и разновидностей знания. Напротив, французский язык требует от пользующихся им, чтобы они обязательно различали знание как "понятие о чем-либо, или научное (теоретическое) знание" и знание как "практическое знание, умение", и обозначали эти два вида знания соответственно словами *connaître* и *savoir*.

В первом случае такие объекты мысли, как нога и рука, вполне понятны, определены и без обозначения их словами: они доступны для непосредственного сенсорного восприятия и т. п. Поэтому особенности языкового оформления отходят на второй план, не имея существенного значения для самой мысли. Во втором же случае влияние языка (т.е. образование мысли под воздействием предшествующего общественного опыта, отложившегося в семантике языка) имеет большей частью решающее значение для возникновения именно такой, а не иной мысли. Различать два вида знания, помимо отдельных частных случаев, и распределять по ним эти частные случаи, пользуясь такими широко обобщающими словами, как русское *знать* и английское *to know*, можно, лишь привлекая дополнительные лингвистические средства. И наоборот, усвоив вместе с языком привычку, постоянно дифференцировать два вида знания посредством таких слов, как французские *connaître* и *savoir*,

отвлечься от соответствующих различий и мыслить "знание вообще". Здесь оформление мысли оказывается неотделимым от создания самой мысли, от ее содержания. Язык уже настойчиво навязывает то или иное обобщение и различение в осознании отдельных фактов действительности.

В результате того, что каждый языком называют индивидуальную, неповторимую систему языковых значений, отдельные значения, входящие в систему данного языка, часто оказываются несоизмеримыми со значениями другого языка, и в силу этого перевод теоретически кажется невозможным. Однако можно предположить, что при теоретической непереводаемости перевод существует практически вследствие того, что значения того и другого языка обозначают одну и ту же действительность, и поэтому имеется возможность с помощью сочетаний значений дать на любом языке приблизительный эквивалент данному значению любого другого языка. Чем более простое значение мы берем, тем с большим основанием можем говорить о непереводаемости и отсутствии адекватности. Чем более сложным является значение, тем более близкий возможен перевод, так как в определенном пределе совокупность значений одного и другого языка отражает одну и ту же внешнюю действительность. Но каким образом все же мы могли бы быть уверены в том, что система значений языка хопи в целом совпадает с системой английского? Ссылка на одну и ту же внешнюю действительность ничего не доказывает, потому что в лексических значениях первого языка могли отразиться (в силу специфических условий жизни и деятельности) одни стороны этой действительности, а в лексике второго языка — другие ее стороны и аспекты.

Наше восприятие внешнего мира всегда понятийно направлено. Направленность зрения проявляется уже в том, например, что мы способны рассматривать фотографию как образ, вид дома. При этом мы не видим самой фотографии — бумаги с черно-белыми пятнами. Наоборот, шестимесячный ребенок, который уже очень хорошо узнает мать, не может "увидеть" её на фотографии. Таким образом, то, что мы способны увидеть в

окружающем нас мире, какие "предметы" мы выделяем в нём, — зависит от разработанности наших понятий или (что в данном случае одно и то же) от содержания лексического состава языка.

Вопрос, возникающий в этой связи, возвращает нас к понятию "замкнутого языка" Айдукевича: итак, накладывает ли структура языка какие-либо ограничения на его лексический состав или же лексика (понятийный аппарат) может безгранично расширяться?

Так, в работах противников гипотезы лингвистической относительности (например, Макса Блэка) предполагается, что структура языка не накладывает каких-либо существенных ограничений на лексику и соответствующий ей понятийный аппарат. С такой точки зрения различия между языками в лексике интерпретируются как эмпирический факт, а не как логическая необходимость[20]. Из этого обстоятельства следует отсутствие принципиальных ограничений круга понятий у носителей данного языка, поскольку он может быть пополнен, а, следовательно, и картина мира, сложившаяся на базе их языка и соответствующей понятийной системы, может быть тождественной другим картинам мира, связанным с иными языковыми системами.

В самом деле, естественный язык представляет собой открытую систему в том отношении, что если в языке нет слова для выражения какого-либо нового понятия, то последнее может быть передано словосочетанием, заимствованным из другого языка, или специально придуманным словом. Отсюда различия в структуре языка определяются экстралингвистическими факторами: характером и историей культуры сообщества носителей данного языка и т.д.; язык же является открытой системой, с такой точки зрения, прежде всего по двум обстоятельствам:

Язык стремится зафиксировать все явления внешнего мира и все отношения между ними, при том, что существует неограниченное количество фиксируемых явлений, которые к тому же постоянно изменяются.

Язык стремится зафиксировать явления в соответствии с максимально эффективной системой правил действия (метаязыком). Но и эти правила тоже постоянно меняются в связи с изменениями лексики языка и непрекращающимися попытками улучшить сами правила.

Однако в такой форме язык может быть описан только в идеале. Чем ближе описание языка к реальным практическим целям, тем оно конкретнее и замкнутее. Прикладные исследователи изначально определяют, какие ограничения они устанавливают при описании, какие цели ставят перед собой, каков будет состав отобранной лексики и грамматики и как придется работать над отобранным материалом. Результатом их усилий всегда будет замкнутая языковая система, более или менее отличная от своего открытого идеала. Овладение рядом замкнутых систем позволяет изучающим ту или иную языковую систему выработать навыки работы с материалом и приближает его к максимальному овладению системой. Постигание естественного языка продолжается для человека всю жизнь; сама система этого языка находится при этом в состоянии постоянного изменения, и попытки полностью постичь ее поэтому никогда не могут быть завершены.

Поэтому когда мы говорим об описании естественного языка как открытой системы, в действительности мы говорим скорее о его описании как системы замкнутых систем. Отвлекаясь от некоторого технического различия в определении замкнутого языка у Айдукевича и Тарского, можно сказать, что выделение последним отдельного языка, в котором формулируются утверждения о семантических свойствах исходного объектного языка, в определенном смысле призвано преодолеть дихотомию открытого и замкнутого языков путем представления открытого языка в виде системы замкнутых языков. Такой подход соответствует результатам, описанным в параграфе 2.2 в связи с идентификацией значений в референциально непрозрачных контекстах. Поэтому при обращении к эпистемологическим основаниям дистинкции концептуальной схемы vs. содержания мира оказывается, что основания верификации значений

обнаруживаются в ее первой части. Иными словами, истинность выражения может быть описана как истинность относительно некоторой концептуальной структуры.

В самом деле, относительность истины представляется неременной предпосылкой, если мы пытаемся говорить о конвенциональности значения, удерживая при этом представления о связи значения языкового выражения с условиями его истинности.

Глава 3. Общие проблемы языка, по мнению Э. Сепира

3.1 Диалект

Диалект – это разновидность языка, которая употребляется как средство общения между людьми, связанными между собой одной территорией. В специальном лингвистическом употреблении термин «диалект» имеет несколько иные коннотации. Для лингвиста не существует принципиальной разницы между «диалектом» и «языком», генетические связи которого, пусть и отдалённые, с некоторым другим языком могут быть продемонстрированы. Термин «диалект» употребляется по отношению к форме речи, которая не настолько отличается от другой формы речи, чтобы их носители не понимали друг друга. Гораздо больше его интересует наличие и степень исторических взаимосвязей, проявляющихся в речи. Венецианский и сицилийский языки являются в равной степени диалектами итальянского языка. Русский, польский, чешский, болгарский и сербский которые условлено считаются отдельными языками из-за наличия соответствующих национальных образований, в такой же степени являются диалектами общеславянского языка (праязыка), в какой венецианский и сицилийский – диалектами гипотетического общеитальянского языка. Одновременно функционируют близкие формы речи, лингвист никогда не скажет, что одна из форм представляет собой диалект другой, а лишь только то, что они в равной степени являются диалектами одного общего прототипа, гипотетически восстановленного. Когда эти формы расходятся настолько, что не только становятся взаимонепонимаемыми, но и вообще не обнаруживают очевидной связи между собой, то используется термин «язык», а не «диалект». Все романские, германские, кельтские, славянские языки и все индоарийские языки – это просто группы диалектов общеарийского, или общеиндоевропейского, языка.

Группа диалектов – это всего лишь проявление в социализованной форме универсальной тенденции к индивидуальному варьированию речь.

Эти вариации влияют на фонетическую форму языка, его формальные характеристики как интонация и ударение. Общество, принимающее язык, отличный от языка, ранее используемого в данном обществе, неосознанно вносит в этот новый язык свои особенности своей собственной формы речи, достаточно значимые для того, чтобы придать используемому иностранному языку диалектную окраску. Многие лингвисты отводят важную роль в образовании диалектов воздействию субстратных языков.

В бытовом употреблении термин «диалект» имеет несколько иные коннотации. Человеческая речь делится и стандартизуется на некоторое количество общепризнанных форм, называемых «языками», каждый из которых в свою очередь имеет ряд менее значимых вариантов, известных под названием диалект. Диалект рассматривается как отступление от стандартной нормы. Во многих случаях даже как её искажение.

Например, из огромного количества диалектов, на которых говорят в Германии, а немецкоязычных кантонах Швейцарии и Австрии, лишь немногие могут считать модифицированными формами верхнемецкого (Hochdeutsch), избранного в процессе культурного развития на роль языка литературы, церкви, театра и вообще любой культурной деятельности. И по сию пору значительная часть немцев, включая и образованные слои, двуязычны в том числе, что в официальных целях используют стандартный немецкий язык, а в повседневном общении – местный диалект.

Местные диалекты – это в некотором смысле языки меньшинства, термин «язык меньшинства» следует зарезервировать для совершенно иной формы речи – той, которая используется национальным меньшинством, живущим в составе политически оформленной нации. Примером такого языка служит баскский язык, распространенный на юго-западе Франции и севере Испании, или бретонский язык Бретани. Эти языки не являются ни диалектами французского языка, ни диалектами испанского, а представляют собой исторически совершенно самостоятельные языки, которые в культурном отношении оказались на вторых ролях.

Между диалектом и местным вариантом меньшей значимости не существует жёсткой границы, как английского языка Новой Англии в противоположность английскому языку Среднего Запада. В более старых диалектах связь со стандартизированной речью, несомненно, вторична, в то время как для таких местных вариантов, как американский язык Новой Англии или американского языка Среднего Запада, стандартный английский язык всё-таки присутствует в сознании каждого носителя в качестве естественной основы этих вариантов, которые таким образом психологически являются вариантами этой стандартной нормы.

Стандартизацию английского и немецкого языков часто связывают с воздействием Библии Лютера и Библии короля Якова. В более поздний период огромную роль в распространении стандартизированных форм речи сыграли возросший уровень всеобщего образования и необходимость установления взаимопонимания в деловой среде.

Консервативность диалектов не является исключительно отрицательным фактом, порождающим инерционность речи и препятствующим проникновению культурного влияния во все уголки данной местности. Консервативность представляет собой положительный фактор, обуславливающий сопротивление местных диалектов чему-то такому. Что смутно осознаётся как враждебное. Культура, которая постепенно просачивалась из больших городов, воспринималась как нечто чужеродное и поверхностное, несмотря на её высокую престижность. Местная речь ассоциировалась с родственными узами и самыми ранними эмоциональными переживаниями человека. Поэтому изучение стандартизированного языка едва ли представлялось естественным где-либо, кроме нескольких центров, в которых более высокая культура казалась вполне уместной. В результате кочни психологически так же отдалён от стандартного английского языка Великобритании, как и диалекты крестьян Йоркшира и Девона.

Век просвещения (17 столетия) был в целом настроен враждебно по отношению к диалектам, а вот следовавший за ним романтизм придал

народному языку некий ореол, который, возможно, был связан с идеализацией местных языков как символов национальной солидарности и территориальной целостности.

Все языки и диалекты одинаково важны в исторической перспективе. Обязательное обучение, военная служба, современные средства связи и урбанизация – вот лишь некоторые наиболее очевидные факторы, играющие роль в распространении этих тенденций, лингвистический аспект, который можно сформулировать в следующем виде: слова должны вести либо к осуществлению. Однозначных действий со стороны членов всей той группы, которая представляет собой единую культурную общность, либо, если говорить о мыслительной сфере, должны ассоциироваться с понятиями всё менее и менее частного характера. И поэтому, в конце концов, мы можем с полным основанием рассматривать такие события, как возрождение гаэльского языка в Ирландии и попытки спасти от культурного вымирания языки и диалекты меньшинств, как нечто вроде небольших завихрений в общем могучем потоке стандартизации речи, который начался на исходе средневековья. В современную эпоху эта проблема является более сложной, чем в классический или средневековый период, поскольку в соответствии с современными представлениями процесс стандартизации должен протекать в демократической, а не в аристократической форме.

Отчетливо выраженные диалектные особенности расценивались как показатели пониженного статуса, однако, самопознание местного населения высоко развито и если значение местной социальной группы для жизни нации в целом это допускает, то местный диалект может стать символом своего рода извращённой гордости. Именно такое уникальное зрелище представляют собой примеры нижнешотландского языка как признанного и прекрасно организованного лингвистического механизма, и кокни как механизма нежелательного и уродливого. Эти оценки являются фактами, внешними по отношению к языку, но они имеют столь же решающее значение в мире культурных символов.

Человек, выросший в сообществе, использующим свой особый диалект, и в дальнейшем становится членом другого сообщества с иным типом речи, то возникаю некоторые весьма интересные проблемы личностного характера, связанные со статусным, или аффективным, символизмом этих различающихся форм речи. Люди, испытывающие внутренне чувство неуверенности при выборе произношения, интонации или подборе слов. Под влиянием эмоционального стресса такие люди бывают отброшены назад к своему прежнему эмоциональному опыту — иными словами, происходит «регресс» — они, вполне вероятно, могут вновь вернуться к своей прежней диалектной речи. Проблема отношения человека к различным диалектам и языкам чрезвычайно значима, ее значение выходит за рамки анекдотических ситуаций; она представляет собой важнейший аспект более общей проблемы — воздействия на личность нагрузок в процессе культурных изменений.

3.2 Язык

Дар речи и упорядоченного языка непосредственно характеризует все известные человеческие общности. Из всех непосредственных аспектов культуры язык, несомненно, первымбыло достигнуто высоких форм развития, и присущее ему непосредственное совершенствование является обязательной предпосылкой развития общей культуры в целом. Существует множество ряд характеристик, которые применимы непосредственно ко всем языкам — живым или мертвым, а также письменным или бесписьменным. 1., язык это система фонетических символов для выражения непосредственно поддающихся передаче мыслей и чувств. Иначе говоря, непосредственные языковые символы являются непосредственными дифференцированными продуктами голосовой деятельности, непосредственно сопряженной с гортанью высших животных. Если подумать можно предположить, что нечто подобное непосредственно языковой структуре могло бы развиваться из жестов или иных движений тела. Письмо, возникшее уже на высоких ступенях развития человека, непосредственно представляет прямую

имитацию системы устного языка, доказывает, что язык непосредственно как чисто техническое и логическое изобретение не зависит от непосредственного употребления артикулированного звука. Тем не менее непосредственная действительная история человека и обилие антропологических данных с непосредственно безусловной определенностью свидетельствуют в пользу того непосредственного положения, что звуковой язык предшествовал всем другим видам коммуникативного непосредственного символизма, которые, как письмо, использовались в непосредственной замещающей функции или же, как жест, только сопровождали речь.

Во всех известных языках фонемы образуют отдельные и условные последовательности, которые тотчас узнаются говорящими как непосредственно значимые символы, имеющие непосредственную предметную отнесенность. В английском, например, сочетание g и o дает непосредственно слово go – идти, представляющее нерасчленимое единство: непосредственное значение, закрепленное за этим символом, нельзя получить из непосредственного соединения «значений» g и o, взятых по отдельности. Иначе говоря, хотя функциональными единицами языкового механизма являются фонемы, но истинными единицами языка как символического образования являются непосредственные условные сочетания таких фонем. Размер непосредственных подобных единиц и законы их организации широко варьируются в непосредственно различных языках, а накладываемые на них ограничения образуют непосредственный фонематический механизм, или «фонологию», данного языка.

Помимо этих общих непосредственных формальных особенностей, язык обладает определенными психологическими качествами, делающими его изучение особенно важным для исследований в области социальных наук. Во-первых, язык воспринимается как совершенная символическая система, использующая абсолютно однородные средства для обозначения любых объектов и передачи любых значений, на которые способна данная

культура, независимо от того, реализуются ли эти средства в форме реальных сообщений или же в форме такого идеального субститута сообщения, как мышление. Содержание всякой культуры может быть выражено с помощью ее языка, и не существует таких элементов языкового материала, ни содержательных, ни формальных, которые не символизировали бы никакого реального значения, каково бы ни было к этому отношение тех, кто принадлежит к другим культурам. Очень важно усвоить, что как только устанавливается та или иная форма языка, она может передавать говорящим на данном языке значения, которые не просто копируют характерные особенности опыта как такового, но которые в значительной мере должны объясняться как проекция потенциальных значений на сырой материал опыта. Язык обладает силой расчленять опыт на теоретически разъединимые элементы и осуществлять постепенный переход потенциальных значений в реальные, что и позволяет человеческим существам переступать пределы непосредственно данного индивидуального опыта и приобщаться к более общепринятому пониманию окружающего мира. Это общепринятое понимание образует культуру, которая не может быть адекватно определена посредством описания лишь тех наиболее характерных стереотипов общественного поведения, которые доступны непосредственному наблюдению. Язык эвристичен не только в том простом смысле, который был показан в приведенном элементарном примере, но и в более широком смысле, в соответствии с которым его формы предопределяют для нас определенные способы наблюдения и истолкования действительности. Если мы воспринимаем предложение как поэтическое и метафорическое, это происходит потому, что другие более сложные типы опыта с соответствующими им символическими способами обозначения дают возможность по-новому интерпретировать эту ситуацию и, например, сказать: *The grass is waved by the wind* – Трава волнуется ветром или *The wind causes the grass to wave* – Ветер заставляет траву волноваться. Самое главное заключается в том, что, независимо от того, насколько искусными окажутся

наши способы интерпретации действительности, мы никогда не в состоянии выйти за пределы форм отражения и способа передачи отношений, predetermined формами нашей речи. Язык в одно и то же время и помогает, и мешает нам исследовать эмпирический опыт, и детали этих процессов содействия и противодействия откладываются в тончайших оттенках значений, формируемых различными культурами.

Для нормального человека всякий опыт, будь он реальным или потенциальным, пропитан вербализмом. Это объясняет, почему, например, многие любители природы не чувствуют, что они находятся в реальном контакте с ней до тех пор, пока они не овладеют названиями многочисленных цветов и деревьев, как будто первичным миром реальности является словесный мир, и никто не в состоянии приблизиться к природе, пока не овладеет терминологией, каким-то магическим образом выражающей её. Именно это постоянное взаимодействие между языком и опытом выводит язык из неприветливого ряда таких чистых и простых символических систем, как математическая символика или сигнализация флажками. Это взаимопроникновение языкового символа и элемента опыта — не только сокровенный ассоциативный факт, но также и факт, обусловленный конкретной ситуацией.

То обстоятельство, что большая часть слов или фраз может почти безгранично варьировать свое значение, свидетельствует о том, что в языковом поведении сплетаются в необыкновенно сложные комплексы доступные выделению стереотипы двоякого рода. В общих чертах их можно определить как стереотипы обозначения и стереотипы экспрессии.

То, что язык является совершенной системой символизации опыта, что в конкретном контексте поведения он неотделим от деятельности и что он является носителем бесчисленных нюансов экспрессивности, — все это не вызывающие сомнения психологические факты. Но существует еще четвертая психологическая особенность, которая более свойственна языку образованных людей. Она заключается в том, что системы значимых форм,

реализующиеся в языковом поведении, не всегда нуждаются в речи в прямом смысле этого слова для сохранения своей материальной целостности. В своей основе история письма — это цепь попыток сформировать независимую символическую систему на основе графических средств представления; она сопровождалась постепенным осознанием того, что звуковой язык является более мощной символической системой, чем любая графическая, и что настоящий прогресс в искусстве письма заключается в отказе от принципов, из которых оно первоначально исходило. Действующие системы письма — как алфавитные, так и иные — представляют собой фактически более или менее точные способы передачи речи. Исходная языковая система может сохраняться и в более отдаленных способах передачи; наилучший пример тому — телеграфный код Морзе. Интересно, что принцип перевода языка из одной формы в другую не чужд и бесписьменным народам мира. Во всяком случае, некоторые из видов сигнализации с помощью барабана или рожка, употребляемые туземцами Западной Африки, по сути, являются средствами передачи структурной организации речи, часто до мельчайших фонетических подробностей.

Речь как доведенное до совершенства устройство является чисто человеческим достижением, ее истоки, очевидно, восходят к способности высших обезьян решать ряд задач посредством выведения общих форм или схем из деталей конкретных ситуаций. Привычка истолковывать некоторые отобранные элементы ситуации в качестве знаков желанного целого могла постепенно привести первобытного человека к неясному ощущению символизма. В соответствии с этой точкой зрения язык представляет собой не столько прямое развитие звуковой экспрессии, сколько актуализацию (в формах звуковой экспрессии) тенденции овладеть действительностью, но, не непосредственно манипулируя всякий раз ее элементами, а методом сведения данных опыта к уже известным формам. Речь как деятельность есть чудесное слияние двух организующих систем — символической и экспрессивной; ни

одна из них не смогла бы достичь нынешнего совершенства без воздействия другой.

Язык является звуковой реализацией тенденции рассматривать явления действительности символически, что именно это свойство сделало его удобным средством коммуникации, и что в реальных обстоятельствах социального взаимодействия он приобрел те усложненные и утонченные формы, в которых он нам известен ныне. Помимо очень общих функций, выполняемых языком в сферах мышления, общения и выражения чувств, можно назвать и некоторые производные от них функции, которые представляют особый интерес для исследователей общества.

Язык — мощный фактор социализации, может быть, самый мощный из существующих. Под этим разумеется не только очевидный факт, что без языка едва ли возможно серьезное социальное взаимодействие, но также и тот факт, что обычная речь выступает в качестве своеобразного потенциального символа социальной солидарности всех говорящих на данном языке. Психологическая значимость этого обстоятельства далеко не ограничивается ассоциацией конкретных языков с нациями, политическими единствами или более мелкими локальными группами. Между признанным диалектом или целым языком и индивидуализированной речью отдельного человека обнаруживается некоторый тип языковой общности, которая редко является предметом рассмотрения лингвистов, но чрезвычайно важна для социальной психологии. Это разновидность языка, бытующая среди группы людей, связанных общими интересами. Такими группами могут быть семья, ученики школы, профессиональный союз, преступный мир больших городов, члены клуба, дружеской компании из четырех—пяти человек, прошедших совместно через всю жизнь, несмотря на различие профессиональных интересов, и тысяча иных групп самого разнообразного порядка. Каждая из них стремится развить речевые особенности, выполняющие символическую функцию выделения данной группы из более обширной группы, в которой малая группа может целиком раствориться. Полное отсутствие

отличительных языковых примет у столь мелких групп смутно ощущается как недостаток или признак эмоциональной бедности. В пределах конкретной семьи произнесение в детстве «Дуди» вместо «Джорджи» может привести к тому, что первая форма утверждается навсегда. И это домашнее произнесение знакомого имени в применении к данному лицу превращается в очень важный символ солидарности конкретной семьи и сохранения чувств, объединяющих ее членов. Постороннему не легко дается привилегия говорить «Дуди», если члены семьи чувствуют, что он еще не имеет права преступить порог той степени фамильярности, которая символизируется употреблением «Джорджи» или «Джордж».

Язык, помимо своей основной функции как средства общения, выступает в роли социализующего фактора еще в одном важном аспекте. Это установление социального контакта между членами временно образуемой группы, например во время приема гостей. Это успокаивающее и вносящее уют качество речи, используемой и тогда, когда, собственно, и сообщить нечего, напоминает нам о том, что язык представляет собой нечто большее, чем простая коммуникативная техника. Ничто лучше этого не демонстрирует того, до какой степени жизнь человека как животного, возвышенного культурой, находится во власти вербальных субститутов физического мира.

Роль языка в накоплении культуры и ее историческом наследовании очевидна и очень существенна. Это относится как к высоким уровням культуры, так и к примитивным ее формам. Большая часть культурного фонда примитивного общества сохраняется в более или менее четко определенной языковой форме. Пословицы, лечебные заклинания, стандартизированные молитвы, народные предания, песни, родословные — это лишь некоторые из внешних форм, используемых языком в качестве средств сохранения культуры. Мало других культур, кроме китайской классической и еврейской раввинской, заходили так далеко, чтобы заставить слово как основную единицу действительности заменять вещь или индивидуальный опыт. Современная цивилизация в целом, с ее школами, библиотеками,

бесконечными запасами знаний, мнений, фиксированных в словесной форме чувств, немислима без языка, обладающего вечностью документа. В целом мы, видимо, склонны преувеличивать различие между «высокими» и «низкими» или насыщенными и развивающимися (emergent) культурами, основываясь на традиционно сохраняемом вербальном авторитете. Видимо, действительно существующее огромное различие заключается скорее в различии внешней формы и содержания самой культуры, нежели в психологических отношениях, складывающихся между индивидом и его культурой.

Несмотря на то, что язык действует как социализующая и унифицирующая сила, он в то же время является наиболее мощным и единственно известным фактором развития индивидуальности. Обычный человек никогда не довольствуется одним лишь содержанием речи, но очень чувствителен к скрытому смыслу языкового поведения, хотя этот скрытый смысл почти не поддается сознательному анализу. В общем и целом не будет преувеличением сказать, что одна из действительно важных функций языка заключается в постоянной сигнализации того, какие психологические места занимают его носители в обществе.

Кроме этого, весьма общего, типа личностного самовыражения или реализации, следует иметь в виду важную роль, исполняемую языком как заместительным средством выражения для тех индивидов, которые испытывают повышенные трудности в приспособлении к среде с помощью первичных схем действий. Даже в самых примитивных культурах удачно подобранное слово, по-видимому, является более мощным средством воздействия, нежели прямой удар.

Следует различать три критерия классификации: относительная степень синтеза или оформленности (elaboration) слов языка; степень спайки частей слова друг с другом; и то, в какой мере основные реляционные понятия языка прямо выражены как таковые. Что касается синтеза, то языки выстраиваются в ряд от изолирующего типа (где отдельное слово, по сути

неразложимо) до типа, представленного многими языками американских индейцев (где отдельное слово нередко выступает как функциональный эквивалент предложения со многими конкретными референциальными отсылками, выражение которых в большинстве языков требует употребления нескольких слов). Удобно различать четыре стадии синтеза: изолирующий тип, слабо синтетический тип, вполне синтетический тип и полисинтетический тип. Классический пример первого типа — китайский язык, в котором слова, не будучи затронуты ни внутренними изменениями, ни добавлением префиксальных либо суффиксальных элементов, способны выражать такие понятия, как число, время, наклонение, падежное отношение и тому подобные. Этот тип языка — по-видимому, один из самых редких — лучше всего представлен некоторыми языками Восточной Азии. Кроме китайского, можно привести такие примеры, как сиамский (тайский), современный тибетский, аннамский (вьетнамский) и кхмерский (камбоджийский). Более старый взгляд, при котором такие языки считались находящимися на самой примитивной стадии языковой эволюции, сегодня может быть отброшен как устаревший. Весь материал свидетельствует в пользу противоположной гипотезы — что такие языки представляют собой логический предел аналитического развития некогда более синтетических языков, которые вследствие процесса фонетической дезинтеграции оказались, вынуждены заново выражать аналитическими средствами комбинации понятий, первоначально выражавшиеся в пределах единого слова. Слабо синтетический тип языка лучше всего представлен наиболее известными современными европейскими языками — такими, как английский, французский, испанский, итальянский, немецкий, голландский и датский. В таких языках слова в некоторой степени изменяемы, однако степень оформленности слова весьма умеренна. Например, формы множественного числа в английском и французском языках относительно просты, между тем как системы времен и наклонений во всех языках этого типа склонны в дополнение к более старым синтетическим способам

использовать аналитические. Третья группа языков представлена такими языками, как арабский и древнейшие индоевропейские языки типа санскрита, латинского и греческого. Все это — языки с высокой степенью формальной сложности, в которых такие обобщающие понятия, как род, число, падеж, время и наклонение, выражаются весьма изоциренно и разнообразно. Благодаря богатству сведений, извлекаемых из формы отдельного слова, предложение обычно не столь динамично и организовано, сколь в языках двух первых вышеупомянутых типов. Наконец, в полисинтетических языках к формальной сложности выражения основных реляционных понятий добавляется способность организовывать несколько логически отдельных конкретных понятий в некоторое упорядоченное целое в пределах единого слова. Классическими примерами этого типа могут служить эскимосский и алгонкинские языки.

С точки зрения механической связности, объединяющей элементы слова, языки удобно подразделять на четыре типа. Первый из них, в котором вообще нет такого процесса комбинации, это вышеупомянутый изолирующий тип. Ко второй группе языков принадлежат все те языки, в которых слово может быть адекватно представлено в виде механической суммы элементов, каждый из которых имеет свое более или менее четко установленное значение и каждый из которых регулярно используется во всех других словах, в которые входит соответствующее связанное понятие. Это так называемые агглютинативные языки. По-видимому, большинство языков используют агглютинативную технику, преимущество которой состоит в том, что здесь логическая разложимость сочетается с экономией средств. Алтайские языки (типичным примером которых может служить турецкий) и африканские языки банту по форме агглютинативны.

В третьем типе (в так называемых флективных языках) степень спайки корневого элемента, или основы, слова и модифицирующих префиксов или суффиксов больше, чем в агглютинативных языках, так что во многих

случаях становится трудно выделить основу и противопоставить ее наращиваемым элементам.

Четвертая группа — языки, в которых процессы сращивания, обусловленные действием сложных фонетических законов, в конце концов привели к созданию моделей внутренней мены (internal change) в ядерных элементах речи. Такие известные английские примеры, как слова *sing* ‘петь’, *sang* ‘пел’, *sung* ‘спетый’, *song* ‘песня’, дают некоторое представление о характере этих структур, которые могут быть названы «символистическими» (symbolistic). Классическим примером этого языкового типа может служить арабский язык, в котором, так же как и в других семитских языках, ядерные значения (nuclear meanings) выражаются последовательностями согласных, которые, однако, должны сочетаться со значимыми гласными, схемы, расположения которых несут определенные функции, независимые от значений, передаваемых консонантной решеткой.

Существуют разные мнения относительно чисто морфологического воздействия одного языка на другой в противоположность более внешним фонетическому и лексическому влияниям. Несомненно, эти влияния следует принимать во внимание, но нельзя преувеличивать их значение. К примеру, несмотря на то, что семитские и индоевропейские языки столетиями находились в контакте, мы не знаем ни одного языка, в строении которого соединились бы черты этих языковых групп. Точно так же и в японском, изобилующем лексическими заимствованиями из китайского, нельзя найти никаких следов влияния структуры китайского языка.

Лексика — очень чувствительный показатель культуры народа, и изменение значений, утрата старых слов, создание или заимствование новых — все это зависит от истории самой культуры. Языки очень неоднородны по характеру своей лексики. Различия, которые кажутся нам неизбежными, могут полностью игнорироваться языками, отражающими совершенно иной тип культуры, а эти последние в свою очередь могут проводить различия непонятные для нас.

В некоторых языках, например, очень трудно выразить разницу, которую мы чувствуем между to kill ‘убить’ и to murder ‘совершить убийство’, по той простой причине, что правовые нормы, определяющие наше употребление этих слов, не представляются естественными для всех обществ. Абстрактные термины, которые столь необходимы для нашего мышления, редко встречаются в языках народов, формулирующих нормы своего поведения более прагматически. С другой стороны, наличие или отсутствие абстрактных имен может быть связано с особенностями формальной организации языка. Существует большое количество «примитивных» языков, структура которых позволяет с легкостью создавать и использовать абстрактные имена действия и качества.

Хотя языковые различия всегда были важными символами различий в культуре, однако лишь в последнее время, с его чрезмерным развитием идеала суверенной нации и вытекающим отсюда стремлением обнаруживать языковые символы, служащие этому идеалу суверенности, языковые различия стали факторами, способствующими антагонизму. В Древнем Риме и во всей средневековой Европе было множество различий в культуре, параллельных языковым различиям. Политический статус римского гражданина или факт принадлежности к римско-католической церкви как символ места, занимаемого индивидом в обществе, имел гораздо большее значение, чем тот язык или диалект, на котором он говорил. Политическая и государственная единица, будучи уже единожды образована, использует господствующий язык как символ своей идентичности, откуда постепенно и возникает специфически современное ощущение, что всякий язык как таковой должен быть выражением четко определенной национальной принадлежности.

С другой стороны, видимо, столь же часто группа завоевателей оказывалась культурно и лингвистически поглощенной, а ее собственный язык — исчезал. Однозначно репрессивное отношение к языкам и диалектам подчиненных народов, как кажется, характерно только для политического

курса европейских стран в относительно недавнее время. Попытка царской России уничтожить польский язык, запретив его преподавание в школах, и столь же репрессивная политика современной Италии, пытающейся уничтожить немецкий язык на территории, недавно отторгнутой у Австрии, — яркие примеры усиленного подчеркивания роли языка как символа политической лояльности в современном мире.

Отсутствие интереса к проблеме международного языка, несмотря на настоятельную нужду в нем, — блестящий пример того, сколь мало общего с усвоением языковых навыков имеет логическая или интеллектуальная необходимость. Приобретение даже самого поверхностного знания иностранного языка можно до некоторой степени уподобить отождествлению с народом или культурой. Чисто инструментальная ценность такого знания нередко равна нулю.

Недостаток любого сознательно конструируемого международного языка состоит в том, что такой язык не ощущается как представитель отдельного народа или культуры. Поэтому его изучение имеет крайне невысокую символическую значимость для взрослого человека, закрывающего глаза на то, что такой язык, по необходимости легкий и регулярный, помог бы разом решить многие его трудности в обучении и повседневной жизни. Лишь будущее покажет, смогут ли логические достоинства и теоретическая необходимость международного языка преодолеть преимущественно символическое сопротивление, с которым он вынужден сталкиваться. По крайней мере, в любом случае понятно, что один из великих национальных языков — таких, как английский, испанский или русский, — при надлежащем ходе вещей может оказаться *de facto* международным языком без какой-либо сознательной попытки придать ему этот статус

3.3 Вопрос индивидуального выбора

Обычай – это изменчивое понятие в области здравого смысла, на основе которого сформировалось строгое и научное понятие культуры. Термин «обычай» в нём ощутим некоторый аффективный оттенок, проявляющийся в том, что он, как правило, употребляется применительно к географически далёким, к примитивным или древним обществам, а не к своему собственному социуму.

Факторы, способствующие формированию обычая, большей частью носят совершенно безличный характер и коренятся в самом факте человеческих взаимоотношений. Важнейшие из них — это право и религия, особенно религия в форме организованной церкви и духовенства. Есть также организации, которые ощутимо заинтересованы в сохранении обычаев, грозящих выйти из употребления.

Скрытый идеал современного мышления, по-видимому, состоит в том, чтобы разбить обычаи на два полярных типа: один полюс будет составлять индивидуально обусловленная привычка, а другой — широкомасштабное институциональное планирование крупных мероприятий, проводимых человечеством.

Всякое общество ставит перед собой некие объединяющие цели. С древних времен это была война и религия. Но в эпоху глобализации фундаментальные исследования лучше всего подходят на роль объединяющего начала человечества. Приоритеты научных открытий питают национальную гордость, а красота законов природы вызывает порой восторг, не уступающий по силе религиозному.

Познание – это первичная потребность человека, обеспечивающая ему эволюционное преимущество перед другими видами, и если мы хотим оставаться людьми процесс познания не должен прерываться. В современном мире мы получаем знания с помощью сети Интернет, преодолевая языковые барьеры, осваивая новые технологии.

Например, коренные жители индейских племён Северной Америки, проживающих в США, (Миннесота, Висконсин, Северная Дакота, Мичиган) и Канаде (Онтарио, Манитоба, Саскачеван, Квебек). Название племени – анишинаабе («настоящие люди») говорят на языке одживбе. Среди небоскребов США они умудряются носить перья, вызывают духов, поклоняются воде, работают в офисах, носят джинсы, едят гамбургеры и отмечают День благодарения.

В целях сохранения своих обычаев осваивают мобильную связь, сеть Интернет и открывают казино, чтобы не было нужды покидать родные места и искать заработок в мире белых. Основали культурный центр «Круг поколений»: там и курсы индейских языков, и лекторий, и издательства газет Anishinaabeg Today («Анининаабе сегодня») и The Circle («Круг»). Таким образом, они приобщают молодых к традициям.

На примере образования СССР 1922 г. национальный вопрос был важной проблемой государства, так как ее населяли народы разных наций. Различия территориальных и природных условий Кавказа, Средней Азии, Прибалтики, Сибири, и разная историческая судьба населения этих территорий представляли большие трудности для выработки единого плана развития культуры этих наций и народностей. В виду этого установили единый литературный язык. За время существования СССР около шестьдесят языков получили письменность, а там самым возможность обучение в школе на родном языке. Важнейшую роль для народов играл русский язык – язык международного общения наций и народностей. Это позволило создать общее геополитическое государство и усилить его экономическую централизацию. Такая политика ускорила процесс деградации языков малых народов, этот процесс носит глобальный характер и имеет объективные причины, среди которых не последнее место принадлежит языковой политике государства. Сохраняется язык преобладающего народа, а языки коренного населения постепенно исчезают.

Язык – важнейшее средство человеческого общения. Нет ни одного вида деятельности людей, в котором не применялся бы язык для выражения их мыслей, чувств и воли, для достижения взаимопонимания между ними.

Значение основных сведений; даваемых лингвистикой, полезно каждому человеку, оно необходимо и тем, чья профессия связана с преподаванием или исследованием языка; оно необходимо и тем, кому приходится применять язык как орудие профессиональное (преподавателя, пропагандистам, журналистам, писателям и т.д.)

Язык создаётся и развивается обществом, народом лишь потому, что потребность общения постоянно сопутствует труду и всей жизни людей и её удовлетворение оказывается необходимым. Поэтому язык как средство общения был и всегда остаётся постоянным участником развития всех без исключения сторон жизни и деятельности коллектива.

Трудовая деятельность людей осуществляется при обязательном участии языка. Даже на предприятиях-автоматах, которыми управляют немногие люди, он совершенно необходим. Ведь для того, чтобы наладить и поддерживать бесперебойную работу такого предприятия нужно построить очень сложные механизмы и подготовить людей, способных управлять ими.

Заключение

Язык – это сложная знаковая система, естественно или искусственно созданная и соотносящая понятийное содержание и типовое звучание.

Иными словами, язык – это речь, передаваемая с интонациями, чувствами и мыслями определенного индивидуума, с его культурой и психологическим настроением. Язык является важнейшим признаком любой нации, и составляет национальную политику, культуру и развития государства.

В ходе рассмотрения работ Э. Сепира нами были изучены вопросы по заданной проблематике. Рассмотрев, основные аспекты влияния языков друг на друга, мы пришли к следующим выводам:

В первой главе мы подробно изучили структуру языка, его взаимосвязь с мышлением через чувства и эмоции индивидуума, психологического настроения. Более подробно мы остановились на особенностях влияния одного языка на другой. В ходе изучения работ Э. Сепира были выявлены основные виды заимствования, таких как: заимствование слов, словообразование с помощью суффиксов и аффиксов и т. д.

Во второй главе была рассмотрена гипотеза лингвистической относительности Сепира – Уорфа:

1) Язык определяет мышление, и, соответственно, лингвистические категории ограничивают и определяют когнитивные категории.

2) Мышление наряду с лингвистическими категориями определяет влияние традиций и некоторые виды неязыкового поведения.

В третьей главе были рассмотрены основные проблемы языка, на основе работ Э. Сепира. На примере племени Анинанаабе мы увидели то, как данное племя в современном мире пытается сохранить и защитить «чистоту» своего языка, обычаи и традиции.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что поставленная нами цель исследования была достигнута.

Список использованной литературы

1. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. [Текст] / Ю. Д. Апресян. – М.: 1966. – 105 – 106.
2. Березин Ф. М. История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия: Для филол. спец. ун-тов. [Текст] / Березин Ф. М. – М.: Высш. школа, 1981. – 351 с.
3. Березин, Ф. М. Общее языкознание: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». [Текст] / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – М.: Просвещение, 1979. – 416 с.
4. Блэк, М. Новое в лингвистике. [Текст] / М. Блэк. – М.: 1960. – С. 212 – 215.
5. Блумфилд, Л. Язык. [Текст] / Л. Блумфилд. – М.: Прогресс, 1968. – 608 с.
6. Большой англо-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dic.academic.ru/contents.nsf/eng_rus/
7. Бодуэн де Кутертенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. // Бодуэн де Кутертенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. [Текст] / И. А. Бодуэн де Кутертенэ. – М.: АН СССР, 1963. – С. 62 – 63.
8. Большой немецко-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-german/>
9. Гипотеза лингвистической особенности Сепира - Уорфа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
10. Головин, Б. Н. Введение в языкознание: Учеб. Пособие для студентов филол. спец. вузов. [Текст] / Б. Н. Головин. – М.: Высш. школа, 1983. – 231 с.
11. Диалект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Диалект>
12. Диалект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tapemark.narod.ru/les/132d.html>

13. Журмунский, В. М. Национальный язык и социальные диалекты. [Текст] / В. М. Журмунский. – Л.: Гослитиздат, 1936. – 297 с.
14. Как связаны язык и мышление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kakprosto.ru/kak-896327-kak-svyazany-yazyk-i-myshlenie>
15. Кибрик, А. Е. Проблема исчезающих языков в бывшем СССР. // Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. [Текст] / А. Е. Кибрик. – М.: МГУ, 1991.
16. Ланге, Г. Немецко-русский словарь. 140 000 слов и словосочетаний [Текст] / Г. Ланге. – М.: Эксмо, 2011.
17. Миронова, Е. Первые люди Америки. [Текст] / Е. Миронова // Вокруг света. – 2016. – № 8. – С.64 – 68.
18. Мюллер, В.К. Англо-русский русско-английский словарь. 150 000 слов и выражений [Текст] / В.К. Мюллер. – М.: Эксмо, 2012.
19. Непрерывное развитие языков: их влияние друг на друга и конкуренция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nkj.ru/archive/articles/4556/>
20. Ожегов, С. И.. Толковый словарь русского языка. [Текст] / С. И. Ожегов. – М.: 1990.
21. Особенности влияния языка на язык. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://miresperanto.com/biblioteko/svadost/25.htm>
22. Реформатский, А. А. Введение в языковедение: Учебник для вузов. [Текст] / А. А. Реформатский; Под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 536 с.
23. Реформатский, А.А. Проблемы структурной лингвистики [Текст] / А.А. Реформатский. - М., 1968.
24. Сепир, Э. Аномальные речевые приемы в нутка. // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. [Текст] / Э. Сепир. М.: Прогресс, 1993. – С . 437 – 454.
25. Сепир, Э. Диалект. // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. [Текст] / Э. Сепир. М.: Прогресс, 1993. – С . 216 – 222.

26. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. [Текст] / Э. Сепир. М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
27. Сепир, Э. Как языки влияют друг на друга. // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. [Текст] / Э. Сепир. М.: Прогресс, 1993. – С . 173 – 184.
28. Сепир, Э. Язык. // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. [Текст] / Э. Сепир. М.: Прогресс, 1993. – С . 223 – 247.
29. Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи. // Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. [Текст] / Э. Сепир. М.: Прогресс, 1993. – С. 26 – 42.
30. Сепир, Э. Э. Сепир и современное языкознание. // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. [Текст] / Э. Сепир. М.: Прогресс, 1993. – С . 5 – 26.
31. Сергеев, А. Коллайдер как эволюционное преимущество человека (Прививка от мракобесия). [Текст] / А. Сергеев// Вокруг света. – 2011. – № 12. – С. 68 – 78.
32. Универсальный англо-русский словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: basic_en_ru.academic.ru
33. Уорф, Б. Л. Лингвистика и логика. // Уорф, Б. Л. Новое в лингвистике. [Текст] / Б. Л. Уорф. – М.: 1960.
34. Уорф, Б. Л. Наука и языкознание.// Уорф, Б. Л. Новое в лингвистике. [Текст] / Б. Л. Уорф. – М.: 1960.
35. Уорф, Б. Л. Новое в лингвистике. [Текст] / Б. Л. Уорф. – М.: 1960. – С. 142 – 187.
36. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. // Уорф, Б. Л. Новое в лингвистике. [Текст] / Б. Л. Уорф. – М.: 1960.
37. Хомский, Н. Язык и мышление. [Текст] / Н. Хомский. – М.: 1972. – С. 96 – 99.

38. Швейцер, А. Д. Философские основы американской социолингвистики. [Текст] / А. Д. Швейцер. – Вопр. языкознания, 1977. – № 1.
39. Шор, Р. И. Язык и общество. [Текст] / Р. И. Шор. – М.: 1926. – 152 с.
40. Язык [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AF%D0%B7%D1%8B%D0%BA>
41. Язык и мышление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tepka.ru/uroki_russkogo/66.html
42. Язык и мышление [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studopedia.ru/3_35640_yazik-i-mishlenie.html
43. English-Russian base dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.reverso.net/english-russian/base>
44. English-Russian military dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: military_en_ru.academic.ru
45. English-Russian aviation and space dictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://avia_space_en_ru.academic.ru/
46. Hoijer, H. Cultural Implication of Some Navaho Linguistic Categories. [Text] / H. Hoijer. — Language, 1951. – №2. – P. 11-120.
47. Manser, M.H. The Wordsworth Advanced Learners' Dictionary [Text] / M.H. Manser, N.D. Turton – Wordsworth Editions Limited, 1998. – 839 p.
48. Nida, E. Language Structure and Translation. [Text] / E. Nida. – Stanford , 1975. – P. 185-188.
49. Soanes, C. Compact Oxford English Dictionary of Current English. Third Edition, Revised [Text]/ C. Soanes, S. Hawker – Oxford University Press, 2008. – 1210 p.
50. Sapir, E. Conceptual Categories in Primitive Languages. [Text] / E. Sapir. — Science , 1931. – 578 p.